

Annotation

Развернутое пособие как откосить от свадьбы, когда брак навязан. Такие варианты как побег, принятие и обнаружение магических способностей с дальнейшим обучением приветствуются.

* * *

Рубина. Непокорная герцогиня

Ночь опустилась на крепость тишиной. Нарушала ее лишь легкое шарканье тряпичных тапочек. Вдоль темного коридора, быстрым, но аккуратным шагом двигалась девушка, старательно пряча лицо под глубоким капюшоном. Фигурка остановилась напротив огромного портрета, в тяжелой раме, изображающего седого мужчину, с суровым взглядом и узкими губами, укрытыми усами и бородой.

Художник постарался на славу, передав через портрет всю суровость изображенного человека.

Девушка осмотрелась и, не обнаружив ни единой живой души, отодвинула картину, как дверь, и скрылась в открывшемся проеме.

Пыльно и душно, но спокойно. Многие тайные ходы использовались последний раз много зим назад, а слуги и служба охраны использовала лишь несколько из них, Рубина же знала все и ходила лишь проверенными. Как и ожидалось, компанию ей сегодня составили лишь пауки да тараканы.

Пробежав несколько длинных туннелей, девушка остановилась напротив стены, на которой висела маленькая деревянная дощечка. Отодвинув ее можно было видеть небольшой, но дорого обставленный кабинет, близкого ей человека.

Отдышавшись, и приведя дыхание в норму, она тихо сдвинула дощечку в сторону и опустила глаза к узкой щелке.

Серебристые волосы, сосредоточенный взгляд, мужественный, несколько тяжеловатый подбородок, добавляющий еще большей суровости.

Мужчина молчал, вчитываясь в свиток, и покусывал нижнюю губу. Фу, какая привычка, совершенно не достойная десницы короля. Ну, раз уж никто не видит (ну почти никто).

В кабинет постучались, и тихо покашливали за дверью.

– Войди. – Голос прошелся по комнате, уверенным не громким приказом, явно адресованному определенному человеку.

В помещение вошел невысокий, лысоватый мужичок, с сальным лицом и не идущими ему пухлыми губами.

Гляди, какой красавец, смотреть тошно.

Рубина не понаслышке знала, что его внешность полностью соответствовала его характеру. Этакая приживалая крыса, с липкими лапками и хитрыми глазищами.

Крысеныш согнулся в поклоне и замер в ожидании разрешения разогнуться.

– Говори.

– Рубина в покоях.

– Госпожа Рубина Ирсобель Волонье.

– Конечно, конечно.

Мужчина засучил ножками и оглядывался в поисках того, что может прилететь в его лысую голову.

– Госпожа Рубина Ирсобель Волонье в своих покоях, совершила молитву и отошла ко сну.

– Проверил?

– Абсолютно точно, Ваше Превосходительство.

Седовласый глубоко и тяжело вздохнул.

– Ваше Превосходительство...

– Тирион, завтра ко двору прибудет Валлийская делегация, за подписанием мирных и торговых договоров на следующие десять зим. Так же будет присутствовать принц Йэн. Я хочу, что бы ты приготовил все к встрече гостей и организовал работу слуг в приготовлении к балу. На балу должна состояться помолвка, и я хочу, что бы все было идеально.

Рубина вздрогнула, прекрасно понимая, к чему идет разговор.

Хм, который раз уже отец пытается пристроить дочь в хорошие руки? Пятый? Шестой? Предыдущие помолвки были разорваны разными способами, иногда продуманными и приведенными в действие Рубиной. Два жениха были доведены до нервных коликов хамским поведением девушки, еще двое (храни их мир Сереброцветой) померли от

болезней, так и не дождавшись свадьбы, один оказался любителем другого пола, еще один, от рук лично Рубины, был опозорен при дворе, будучи пойманным за шторкой тискающим служанку. Шесть? Получается шесть. Эта седьмая.

Девушка понимала, что на этот раз ей вряд ли удастся обойти помолвку, разве что принц уже будет женат. Уж слишком выгодная партия для отца, он не сможет упустить такой шанс.

– Тирион, я бы хотел, что бы ты проконтролировал Рубину. Проследи, что бы она не нашкодила и в этот раз. Если будет проказничать, или вести себя неподобающе – запри.

Ого! Вот эта уже тяжелая артиллерия! Посягательства на мою свободу слишком дорого ему обходиться, чаще всего потерей нервов и приобретением еще более седых волос.

– И тайные входы тоже запри.

Так, вот это уже война.

– Мне заняться этим сразу Ваше Превосходительство?

– Поутру, а пока иди спать и проверь по пути Рубину, она всегда как будто чувствует, когда я хочу выдать ее замуж.

Слушать было уже ни к чему и девушка, задвинув дощечку, поспешила вернуться обратно в свои покои.

Как он может?! Каждый раз она доказывает ему, что не хочет замуж, и каждый раз он стоит на своем.

Щеки горели, и легкая пробежка по коридорам замка ничуть их не охладила, только лишь раззадорила дыхание и скорость.

Так, здесь факел, три шага вперед, развернуться и толкнуть.

Хожение по тайным ходам и коридорам замка было хобби Рубины. Она знала от и до каждый кирпичик, каждую заслонку и каждую картину, сквозь которую можно заглянуть в любую тайну и любой секрет. Девушка знала даже больше, чем начальник секретной королевской службы, хотя... Ему же не было интересно, почему Мрана конюха бросила Фирка служанка? Или зачем пасынок управляющей так подолгу сидит в своей комнате? И даже, сколько у Его Высочества любовниц? Сплетницей Рубина не была, так что все это даже если вылезало в народ, то не от ее лица.

Оказавшись в своих покоях, девушка скинула плащ, ногой запихала его под кровать и, укрывшись одеялом почти с головой, услышала шорох.

Олух, пользуешься картиной, так хоть песок вычисти из реек.

Молчание продлилось меньше минуты, заслонка опять скрипнула, и за стеной слышались достаточно громкие шаги, чтоб на них можно было обратить внимание.

Олух, еще и слон.

Рубина поднялась с постели и заходила по комнате.

Что же делать, что же делать...

Выйти замуж? Вот уж нет! Не хочу, как мебель жить. Полностью принадлежать мужу, все делать только с его разрешения, и ни шага в сторону. Нет.

А может он не такой уж и плохой этот Йэн? Вдруг он будет хорошим мужем? Что-то я сомневаюсь. Так как же быть? Напустить ему в покои тараканов? Или облить смолой? А потом получить по загривку от отца и короля. Нет, если и действовать, то нужно тайно, так что б меня не заподозрили, желательно даже не рассматривали как подозреваемого. А в случае подозрений, хотя бы не доказуемо. Тогда нужно показать, насколько я влюблена в него, чтоб никто и подумать не мог и усомниться, не посмел в не честности моих слов. Или убежать? Куда бежать? К тетке в поместье Волонье? Отец достанет, так как козьяку из носа, да и тетя не посмеет врать деснице короля и сдаст меня при первом же дыме. Ехать в Серпугу? Уж слишком я приметная, чтоб ктонибудь не заметил. Валения? Истания? Слишком далеко, и жить же тоже нужно на что то? Я могла бы заложить свои украшения, платья, что смогу унести, но мне нужна работа. А кто возьмет на работу девчонку без рода и племени (а именно так оно и будет, если я сбегу) на работу даже за гроши? А если уехать в деревню? Там выжить можно на такие деньги. Огород свой можно завести, скотину. Да кого я обманываю, я всю жизнь хотела путешествовать, узнавать мир, открывать страны и города, познать обычаи других народов.

Ну, так и? что будем делать, а?

Для начала нужно сделать захоронку, собрать немного одежды, денег, еды на первое время и спрятать так, чтоб в любой момент можно было достать и сделать ноги без ущерба для себя.

Ох, отец, ты же знаешь, как я тебя люблю, но каждый раз ты меня как будто не слышишь... Я твоя дочь, я хочу быть такой как ты, а не племенной кобылой для разведения. Нужно написать письмо отцу, если решусь уйти. Надеюсь, он найдет тепло в своем сердце, что бы простить меня.

А пока, я попробую собрать минимум для побега, у меня только одна ночь на подготовку.

Из сундука доставались сумки по удобнее и вещи подороже. В итоге было решено взять три платья (расшитых жемчугом, бисером, драгоценными камнями), два комплекта одежды попроще, для жизни (коричневые мужские брюки, две рубашки свободного кроя и простое хлопковое белое платье). Из шкатулок были вытряхнуты все украшения, кроме тех, в которых завтра я буду приветствовать королевскую делегацию, и уложены в кожаный мешочек. Кольца, браслеты, сережки, колье – все будет продано. За едой нужно сбегать на кухню, и найти чтонибудь съедобное и не скоропортящееся. За огнем нужно спуститься в охранную, или сбегать в казарму. Заодно и котелок у них спереть.

Без еды получилось два маленьких тюка, с вещами на будущее и с вещи на скорое прощание. Еще мешок с едой и хозяйственными вещами и все будет готово к отправлению. Нет, не все. Конь, а точнее средство передвижения. На своих двоих я далеко не дойду, и буду крайне заметна, уходя со двора пешком с сумками. Нужна или лошадь или телега. Лучше телега, пригодиться в хозяйстве, хотя... можно же и потом купить, если уж не подвернется.

Спустившись по тайным ходам в охранную, я была поражена. Охрана благополучно и крепко спала, разнося храп по подземельям. Тиснуть у них огниво сейчас смог бы и ребенок, котелок пришлось поискать, но вскоре он был у меня в руках.

Надо бы и начальнику охраны письмо написать что ли? Перед уходом сообщить ему как благочестива его охрана и как тщательно они охраняют замок и короля. По пути я забежала на кухню, как не странно, но там никого не было, и, порыскав по кладовой, было решено взять – крупы, пару вареных яиц, кусок копченого мяса, пару помидор и картофелин. Если что будет не хватать, приобрету по дороге.

Вещи были бережно уложены и спрятаны в одном из ходов, которым пользовалась лишь я, и из которого можно было через покои служанок добраться до конюшни, а там уже дело за малым.

Устроившись в кровати, я долго крутилась с боку на бок, пытаюсь заснуть.

Завтра очень долгий и тяжелый день.

Прости меня папочка, спокойной ночи.

– Милая, Рубинушка, просыпайся. Пора вставать.

Проснулась я от теплых и нежных рук моей нянюшки.

Старушка посмотрела на меня с улыбкой и провела ладонью по волосам.

– Просыпайся, моя хорошая, делегация приедет к заходу солнца, после будет бал. И я слышала, что с ними приедет принц Йэн, довольно симпатичный молодой человек.

Хорошее настроение и сонливость слетели с меня, покрывая тело дрожью.

Я уже и забыла. Возможно, сегодня моя жизнь изменится, необратимо. К тому же, мне еще нужно не вызвать подозрений у отца. Если он догадается, то всю жизнь мне придется провести с ненавистным принцем, в ненавистной стране... Так и не увидев ничего кроме четырех стен крепости принца Йэна...

– Давай, милая, поднимайся. Я распорядюсь, чтоб тебе принесли ванну.

Нянюшка вышла, оставив меня наедине с нерешительностью.

Ладно, посмотрим, что там за принц и с чем его едят.

Пока я принимала ванну, в комнату постучались.

– Входите! – сказала я, прикрывая ширмой все кроме головы.

В покои вошел лакей и, склонив голову, пролепетал:

– Ваше Превосходительство, ваш отец хотел бы вас видеть, как только у вас появится время.

– Благодарю, Женар, ступай.

Лакей вновь поклонился и исчез за дверь.

Таааак, вот и папа хочет совершить свой ход конем, интересно, что же он мне предложит. Безбедную старость в качестве королевы? Или жизнь в монастыре? Думай, когда он поймет что я против помолвки, станет засыпать угрозами, и приставит ко мне охрану, которая проследует со мной везде. Но, я же умная девушка, захаронка запрятана там, куда мне просто сбежать не вызывая подозрений – комната нянюшки.

А вот через ее шкаф, в тоннель и в конюшню. Все продумано. Вроде бы.

Через пару минут прибежали служанки и, вытащив меня из теплой воды, принялись запихивать в платье.

Затянув шнуровку на корсете, причесав волосы в красивый пучок и украсив ее ниткой синего жемчуга, упорхнули, оставив меня завершать образ.

Серьги с сапфирами, самое ценное, что у меня было, именно поэтому я решила надеть их сегодня, и они как никогда, кстати, подходили к синему шелковому платью с золотыми лентами.

Платье было достаточно длинным, чтоб я могла позволить себе обуть кожаные сапожки на плоской подошве (в них удобнее сбегать).

Перед дверью в кабинет отца, я глубоко вздохнула и, заправив не послушный локон за ухо, и без стука вошла внутрь.

Мне можно было так делать, я же все-таки дочь десницы. Единственная наследница. Желанная невеста. Ярко-красные волосы, закрученные гладкими кудрями, синие глаза, светлая кожа.

«Красавица, вся в мать» эти слова я слышала ни раз, к сожалению, мама умерла, когда мне было три года, лихорадка.

Шестнадцать зим десница не может оправиться от этой потери. Каждый раз, когда любая женщина мечтала стать герцогиней, отец лишь с грустью провожал их взглядом. Никто не мог покорить его сердце, так как мама, так и оставшаяся любовью всей его жизни.

Отец сидел за столом, читая какой-то документ. Он поднял на меня взгляд и кивком головы указал на кресло.

– Садись, милая. Я сейчас закончу.

Пока отец продолжал изучать документ, я выполняла дыхательную гимнастику.

Вот только все закончиться, пойду приводить нервы в порядок, немедленно.

– Рубина, я хотел бы серьезно с тобой поговорить.

Сейчас главное делать вид, что я и понятия не имею о чем. Выдавать свои лазейки мне совершенно не хотелось.

– Ты же знаешь, что сегодня приезжает делегация? Так вот там будет присутствовать принц Йэн, и я бы хотел, что бы ты обратила на него свое

внимание.

– Что ты имеешь в виду, папа? – Я потупила глаза.

– Рубина, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Прекрати паясничать. Я прошу обратить внимание на своего будущего мужа, хочешь ты этого или нет.

– Но я не хочу замуж..

– Я тебя и не спрашиваю. Это слишком хорошая партия для тебя.

– Папа!

– Рубина!

Спорить не было смысла, да и не хотелось, и я встала и вышла, громко хлопнув дверью. Ничего, пусть не расслабляется.

Уверенно прошагав по коридорам замка, я направилась прямо на кухню, в поисках своей нянюшки. Решив, что я обязана, поделится с ней наставлением батюшки, дабы нянюшка донесла до него о моем решении смириться со своей судьбой.

Старушка сидела на высокой деревянной табуретке и чистила морковь.

– Нянюшка! Дорогая! Ты не представляешь, что мне сейчас сказал батюшка! – определив, что нянюшка доносит отцу все, что я ей говорю, я смерилась и фильтровала информацию, иногда даже специально намекая таким образом батюшке, о чем либо, с помощью такого посредника.

Из-за угла, с корзинкой полной яблок, вышла Мирка, дочь няни.

– Ваше Превосходительство, не престало вам стоять! – девушка почти кинула корзину на пол, и бросилась подтаскивать мне табурет.

– Спасибо Мирка, да только не до сидения мне! Батюшка собрался выдать меня замуж! – выкрикнула я, с как можно шире открытыми глазами, для пущего эффекта и вскарабкалась на табурет.

– Да вы что! – хором взвыли женщины, пытаясь сохранить на лицах гримасу удивления.

Значит знали. Значит, знали все, кроме меня. А значит все уже лунника так два как готовятся меня сплавить в Валению и забыть как страшный сон.

Стараясь не терять лица, я вскинула руки к небу и с надрывом в голосе взвыла:

– О, батюшка! О, великий правитель! За что же ты так не любишь свою дочь, рабу Сереброцветой!

Нянюшка заохала, заухала и бросилась меня утешать.

– Доченька, милая! Не плачь зазря! Ты же сильная девочка и сможешь принца

воспитать.

Я подняла на старушку глаза, полные притворных слез.

– Может ты и права. Может я зря плачу, нянюшка?

– Конечно зря, дорогуша. Красавица такая, никто не устоит, ни один принц. Да и пора уже, в девках засидишься, ни кто потом замуж не возьмет. Да и наследников уже пора бы.

– Ох, нянюшка...

На помощь старушке пришла дочка. И теперь уже она гладила меня по голове и причитала.

– Ваше Превосходительство, говорят, что принц Йэн красавчик, и весь высший свет по нему сохнет.

– Правда? – с надеждой спросила я.

– Конечно! Говорят, что даже маркиза Изрона пыталась принца соблазнить, да только он не поддался, а вы же знаете маркизу Изрону, та женщина очень настойчивая. – Вдруг глаза девушки наполнились мечтательностью и она продолжила. – Говорят, что у принца черные, как смоль, прямые волосы, белая кожа, как – будто не встречавшаяся с солнцем и фиолетовые глаза, как у чистокровного валлийца.

М-да, образ наклеивался тот еще. У меня он вызвал лишь чувство острой тошноты. Да, валлийцы славились своей таинственной красотой и пылким нравом, но провести жизнь с таким человеком, я не имела ни малейшего желания. Знаем мы таких красавцев, избалованных внимание, и берущих все что захочется. И будем честными, маркиза Изрона, давно уже не девочка, хоть и молодится, как может и испытывает на себе все косметические новинки. От нее все время разит рахмидой, так как, курит она не переставая. Количество ее любовников действительно неисчислимо, но самый пик кончился еще зим десять назад. Но репутация желанной и ненасытной женщины жива еще до сих пор и следует за ней по пятам.

– Действительно красивый мужчина получается. – Задумчиво протянула я.

Женщина закивали головами.

– Умный, красивый, принц! Чем не лучший жених дочка?

Так и тянула спросить, откуда же она взяла про ум, но пора было уже переходить к сути разговора.

– Если он и в правду, такой как говорят, я выйду за него замуж, нарожаю наследников и стану самой лучшей королевой, которую видел свет! – с гордостью произнесла я.

– Такая как вы, Ваше Превосходительство, будет прекрасной королевой. – Восхищенно пролепетала Мирка.

– Именно! Так и сделаю!

И вздернув носик как можно выше, я со скоростью ветра вылетела из кухни.

Сейчас нянюшка доложит отцу о моих планах, папенька расслабиться и будет не так внимателен. И у меня будет шанс. Шанс стать другим человеком.

Следующей моей остановкой стала конюшня. Я набрала такую скорость, что очнулась только оперевшись в круп Огнива. Конь возмутился, почувствовав, что-то нарушившее его мирное жевание и покосился на меня красными глазами.

– Не смотри так на меня, – Я уперлась головой в конскую шею и прошептала. – Я пришла попрощаться, Огниво.

Конь перестал жевать и заелозил задними ногами.

– Мой мальчик, давай я вычешу тебя напоследок.

Взяв щетку, я принялась скоблить конскую шкуру и думать о своей не завидной судьбе.

Каждый раз, когда мысли доводили меня до побега, сердце начинало биться усерднее и чаще. Ведь возможно сегодня я перестану быть Рубиной Ирсобель Волонье Ее Превосходительство единственной наследницей десницы короля Майколтона Грута Волонье. Ох, отец, ты наверно никогда меня не простишь. И всю жизнь будешь проклинать непослушную дочь.

Вычесав коня, я чмокнула его в бархатный нос и, прикоснувшись к его морде лбом, попрощалась еще раз, но уже не вслух, а про себя. Огниво даже замер на секунду, и мне подумалось, что он меня отпускает.

А теперь нервишки.

Сторожевой полигон находился на территории крепости, и добежать до него мне удалось за пару минут.

Просунув голову в шатер, я убедилась, что никого нет, и прошла внутрь полностью.

Нет, мне конечно никто не запрещал ходить там где мне хочется, но вот мое желание метать ножи, одобрение не вызывало.

Так что, пробежав вдоль шатра в сторону, где были мишени, я еще раз огляделась и, убедившись в своем одиночестве, приступила к действиям.

Клинки входили в уже исхудалую мишень как в масло. С каждой моей тренировкой, яблочко было все ближе и ближе, но пронзенным оно было лишь пару раз и, то по чистой случайности.

– Рубина, я же сказал, чтоб ты приходила только вечерами.

Обладатель голоса стоял за моей спиной.

Высокий блондин, с теплой красивой улыбкой. Как будто отлитое из мускул тело, было одето в желтую рубаху на распашку и коричневые тканевые тренировочные брюки.

Он встряхнул головой и волнистые волосы, как будто выгоревшие на солнце, по плечи, расправились.

Я повернулась и улыбнулась.

– Сезар!

Бросив последний нож, и убедившись, что до яблочка он не достал, я развернулась и бросилась на шею мужчине.

Сезар закружил меня в объятиях и, прижав к себе, поцеловал в макушку.

– С каждым мои приездом, ты все выше и выше. Скоро перегонишь и меня.

– Не смей! – я прижалась головой к его широкой и теплой груди.

Сезар был моим покровительственным братом.

Среди народов Ревана, практиковалось такое часто, так скажем «Старший брат». Не кровный родственник берет покровительство над девочкой и приглядывает за ней. Так, когда мне исполнилось шесть зим, моим братом стал Сезар.

Он стал мне гораздо ближе, чем покровитель, скорее действительно как родственник. Со светлыми мыслями и чистой душой мужчина только умилялся моим проказам и стержовому характеру. Как он не убил меня, когда я облила его смолой, а сверху посыпала перьями, или когда я покрасила в красный цвет всю его одежду, или когда выстригла ему половину волос, пока он спал, для меня по сей день остается загадкой.

Оторвал голову от его груди, я подняла ее и посмотрела в его лицо.

Сезар улыбался и в его янтарных глазах забегали смешинки.

– В кого же ты такая красивая, Рубина? – Традиционно спросил он.

– Наверное, в маму. – Не нарушая ритуал, ответила я.

Неожиданно, огонек в глазах Сезара потух, и в нем шевельнулось, что-то другое, не знакомое мне ранее.

Он склонился к моим губам и поцеловал.

От неожиданности я успела только втянуть голову в плечи, насколько это было возможным, ведь мужчина успел прижать меня к себе крепче, не оставляя шансов пошевелиться.

– Сезар! – Только и успела сказать я, когда он отстранился.

Получилось странно. Голос дрожал и робел, и, вырвавшись с глубоким вздохом, скорее походило на стон.

Брат, расценив это как мое согласие, вновь склонился ко мне и прошептал:

– Я так ждал, Рубина, когда же ты повзрослеешь и поймешь.

Я не нашлась, что сказать и с перепугу, использовала самый действенный мне способ, остановить мужчину. Как только Сезар снова прикоснулся к моим губам, на этот раз вторгаясь в мой рот своим языком, я выпучив глаза и мыча ударила его коленом в пах.

– Какого греха ты делаешь?! – Проорала я, как только мне удалось вырваться.

Мужчина сполз по стене, и присел на корточки, не поднимая глаз, болезненно стонал.

Мне стало его жалко, со страху я не рассчитывала силы и могла ударить очень болезненно.

– Сезар! Прости, прости меня, родненький! – Я кинулась к нему и присев рядом, взяла его лицо в ладошки.

Не поднимая головы, стоны сменились тихим смехом.

– Что смешного? – Оторопело спросила я.

Сезар поднял на меня свой янтарный взгляд и, улыбнувшись, ответил:

– Прости меня. Видимо ты еще все-таки не выросла.

– Я выросла! – Перебила я его. – Но почему ты смеешься все равно не пойму!

Продолжая улыбаться, он взял меня за руку и сказал:

– Мне смешно, потому, что я дурак.

– Почему дурак?

– Я подумал, что ты достаточно взрослая.

Я пихнула ему кулаком в плечо.

– Сезар. Я иногда тебя совершенно не понимаю. Чего ты добивался своим действием?

Я покраснела, чувствуя, как щеки покрываются краснотой.

– Ну, давай, скажи.

– Нет.

– Скажииии. – Протянул мужчина.

– Зачем ты меня поцеловал? – Спросила я, полностью пунцовая, опуская глаза в пол.

Его рука, заставила поднять лицо, придерживая за подбородок.

– Мне безумно нравится, что такие вещи как поцелуй заставляют тебя смущаться.

– Твой поцелуй... – Проямлила я.

– Прости?

– Мне смущает твой поцелуй.

– То есть был бы кто-то другой ты бы не смутилась?

– Смутилась бы. Но то, что это сделал ты, меня смущает еще больше.

Мужчина молчал и пристально смотрел мне в лицо.

– Рубина, я совершил ошибку и позволил чувствам взять верх.

– Что?

Только сейчас, я впервые увидела, что глаза его искрятся не братской любовью.

– Я много лет смотрел на тебя, Рубина, и думал, что ты знаешь, что ты для меня уже не девочка, а девушка.

Не смотря на неловкость ситуации голос его, звучал уверенно, но сипло.

– Но сейчас, я вижу что это не так. Я прошу у тебя прощения, за свой поступок, но прошу тебя, подумать над моими словами.

– Ничего не выйдет.

– Жаль. – Ответил он мне. – Жаль, что ты приняла решение так быстро.

– За меня уже все решили.

Продолжая сидеть, рядом с ним, я рассказала ему про скорую помолвку и, закончив, поняла, что в глазах Сезара плещется ярость.

– Он обещал.

– Прости?

– Он обещал мне тебя.

Я резко встала и вырвала свою руку из его ладони.

– Значит обещал? – Зло спросила я и прищурилась. – Значит, вы опять все решили без меня.

– Рубина? – Сезар встал еще быстрее и сделал шаг ко мне.

– Не подходи! Еще раз врежу! – Голос наполнился яростью.

Опять! О, Сереброцветая, они опять все решили сами! Ни кто и не собирался слушать мое мнение.

– Рубина, я хотел...

– Замолчи! Хватит! Вы всегда так!

На глаза набежали злые слезы.

– Хватит! Знаешь что?! Грых вам! Не выйду замуж ни за тебя! Ни за принца! Ни за кого было бы еще!

Я развернулась, так резко, что голова закружилась, и, схватив подол платья, ринулась прочь из шатра.

Догонять Сезар меня не стал. Как бы все это не вызывало во мне злость, но с тем, что он меня знал, смириться пришлось. Догони он меня сейчас, я бы разозлилась еще больше.

Ох, эти мужчины. Ненавижу! Обида билась в груди, заполняя легкие. Так обидно, даже Сезар, тот, кого я считала своей защитой, опорой, поступил со мной так же как все!

Я почти, оббежала крепость, когда вокруг раздалось гудение труб, приветствующих и оповещающих о приезде гостей.

Я утерла злые слезы, сделала несколько глубоких вдохов и, собрав все силы в кулак, побежала на звук открывающихся ворот.

Наверху, в самой высокой башне крепости, была голубятня, маленькая комнатка, наполненная клетками с почтовыми птицами, с одним окном, имеющим самый лучший вид на ворота. Входить сюда, строго настрого, было запрещено всем, кроме десницы, советников, и самого короля. Как ни странно, голубятню никто не охранял, но приказ, ни разу не нарушался, ни кем, кроме меня.

Согнувшись в три погибели, я проползла к окошку и, устроившись по удобнее, пыталась как можно лучше разглядеть прибывшую делегацию.

Из ворот нашей крепости, на встречу трем мужчинам, восседающим на конях, выдвинулся один из наших советников.

Слышно мне их не было, а вот видно достаточно хорошо. Во главе, на черном коне, сидел красивый мужчина, с черными, чуть ниже плеч, волосами, с узким подбородком и тонкими губами. Я была уверена, что глаза у него были ярко фиолетовые, как у чистого валлийца. По правую руку от него, на рыжей, низенькой кобыле сидел толстенький, светловолосый паренек, с крупным лицом, светлыми глазами и глуповатым выражение лица. Это был человек из наших краев, и это стало понятно не только внешне, но и тем, что он проехал чуть вперед, и, поравнявшись с встречавшим их советником, развернул кобылу мордой к прибывшим.

По левую сторону, от черноволосого, на серой высокой кобыле сидел молодой человек, тоже валлийской наружности.

Он спрыгнул с лошадки, подбежал к главному, взял из его рук протянутый пергамент и, раскланиваясь, направился к нашим представителям.

Ритуал чрезвычайно нудный, но не обходимый при таких выездах.

Советник взял из его рук пергамент, раскрыл его, прочитал и расцвел в улыбке.

Полный рыжий парень, так же спешил и, получив устный ответ от советника, кланяясь еще ниже, прошествовал до черноволосого и громко, но не разборчиво, для моего уха, что то говорил и, закончив, нагнулся еще сильнее, почти пополам, и руками указал в сторону крепости. Советник отвел кобылу чуть в сторону, и, дождавись пока валлиец, что постарше, поравняется с ним, развернул лошадь и, устроившись по правую руку, прошествовал в замок.

Рыжий и молодой валлиец так и стояли, согнувшись в поклонах, пока не поняли, что не попадают в обзор, и, разогнувшись, посмотрели друг на друга, кивнули, и, похватав своих лошадей за узды, разошлись в разные стороны.

Пора и мне скорее возвращаться.

Если мои расчеты правильны, то это был десница короля Валении, и сейчас, в тронном зале будет происходить знакомство представителей наших государств. И мне нужно быть там.

В тронный зал я влетела как раз вовремя, и только и успела встать за спиной отца, сидевшего, на стуле по правую руку от нашего короля.

– Рубина! – прошипел отец.

– Да отец?

– Где ты была? Ты чуть не опоздала! – батюшка умудрялся шипеть практически, не шевеля губами.

Я решила до последнего ломать дурочку и не возмущенным тоном, прошипела в ответ:

– Отец! Я прихорашивалась!

Мужчина скосил на меня глаза, и остановился взглядом на моих волосах.

– Прихорашивалась она, перо с прически убери. – И отвернулся.

Проведя рукой по волосам, на своей ладонке я нашла голубиной перышко.

Ну и пусть. Пусть думает, что мне так хочется увидеть принца, что я залезла в голубятню. Мне же лучше.

Улыбнувшись своим мыслям, я и не заметила, как посол начал представлять валлийца.

– ... Граф Шайэн Тур Шано, десница короля великой страны Валении Его Величество Драттура Драка Винцеского... – посол говорил еще долго, и когда словесный понос, наконец, кончился, заговорил мой отец.

– Ваша Милость граф Шайэн Шано, мы рады вас приветствовать в нашей стране, и надеемся, что мы окажем вам достойный прием.

Граф чуть склонил голову и вопросительно посмотрел на папу.

– Я хотел бы представить вам свою дочь Рубину, – я присела в таком реверансе, что любая бы позавидовала. – Мою единственную наследницу.

Улыбка моя сейчас была настолько ослепительной, что даже наш король, удивившись, косился на меня. А я продолжала улыбаться и смотреть на десницу.

Граф смотрел на меня с едва заметным прищуром, как будто стараясь рассмотреть, что у меня под кожей. Но я, ребенок, выросший среди знати, а точнее во вранье, интригах и сплетнях, стойко выдержала испытание.

Граф отвел от меня взгляд и опять едва наклонил голову.

Не уважает. Это было видно невооруженным глазом.

Хотя, чего меня уважать? Я лишь товар. Оплата за мирные договоры, племенная кобыла, ресурс. Но продолжая улыбаться, я поклонилась куда ниже, чем он. Пусть думает, что я красивенькая дурочка. Мне же лучше. Вот стану королевой... А стану ли...

Король встал со своего трона и сказал:

– Пройдемте в мой кабинет, поговорим о делах насущих.

Отец повернулся ко мне и взглядом показал «сгинь», и я, дождавшись пока окажусь за спиной иностранца, развернулась на пятках и помчалась в свои покои.

По тайным ходам я быстро домчалась до кабинета Его Величества и, отдышавшись, приложила ухом к маленькой щели в стене.

– У вас красавица дочь, мой друг. – Шано произнес это и причмокнул вином в кубке.

– Старались. – Чуть с грустью ответил отец.

Сердце сжалось. Мама всегда была для него больной темой.

– Надеюсь, любезнейший, и ваш парень ладен. – С усмешкой папа отбил подачу.

– Не сомневайтесь.

Шано и батюшка еще долго говорили о делах, планах на будущее двух великих стран, расхваливали своих королей и пили вино.

Мне уже стало скучно, и появились мысли уйти. Но в комнату вошел Его Величество и мужчины затихли. Король устроился в своем кресле, получив кубок вина из рук своего десницы, и спросил у него:

– Майколтон, ты поговорил с Рубиной?

– Конечно, Ваше Величество.

– И как она отреагировала?

– Она рада, безмерно. – Отец лгал, но такова роль.

Король прекрасно понимал, что это ложь, но тоже подыграл:

– Это замечательно. Девочка будет прекрасной королевой Валении.

Любой знающий меня хотя бы день, знал бы, что я не рождена для брака. И от этого, мне хотелось кричать – «Нет! Я не согласна! Я не хочу!», но заори я сейчас, меня бы молнией отправили в Валению, чтоб не успела придумать чегонибудь этакого.

– Его Высочество Принц Йэн в нетерпении, и жаждет увидеть свою будущую жену.

– Это произойдет сегодня, на балу, можете передать это Его Высочеству.

– Отлично, – Подытожил король. – А теперь обсудим торговые договора...

Дальше я не слушала. Грудь сжимала обида. Принцу я уже была обещана, и, по всей видимости, даже дольше чем я предполагала.

Я бежала в свои покои, глаза застилала слезы, горькие, горячие.

Рухнув на кровать, я уткнулась носом в подушку и заревела, как маленькая девочка, растирая слезы по наволочке. Лицо горело, глаза чесались, прическа растрепалась.

Я вам покажу, как мной торговать. Больно будет всем. Я всем покажу, какая я могу быть.

Я решила изменить прическу для праздника, подняла волосы в вверх, свернула пучок, пустила от него волнистые локоны. Оставив у лица пару прядей из челки, я накрутила их на палец, придав форму. На волосы было решено одеть фараньерку из белого жемчуга.

– Женар! – крикнула я.

Дворецкий появился молниеносно.

– Да, Ваше Превосходительство?

– Не могли бы вы пригласить ко мне графиню Киртон? Да побыстрее.

– Сию секунду.

Слуга скрылся за дверью, и не больше чем через пару минут в комнату ввалилась полная женщина, в наряде, который казался несколько не законченным.

Ярко-красная пышная юбка, белый нижний корсет и красная шляпка, пришпиленная на одну большую булавку.

– Что случилось дитя мое?! – Вопросила женщина с перепуганными глазами.

Увидев меня, здоровую, сидящую на кресле перед зеркалом, она поумерила пыл и попробовала еще раз.

– Ваше Превосходительство, вы меня звали? – Сказала она с таким надменным выражением лица, как будто не одна только что кричала.

– Графиня, почему вы так взволнованны? – С улыбкой спросила я, и как только слуга пропал за дверь, женщина вспыхнула.

– Ах, ты мелкая девчонка! Я испугалась, почти раздетая бежала через весь замок! Ох, позор! Позор... Еще лунник трепаться будут...

Графиня Киртон была одной из тех людей, что я подпустила к себе.

Не имея своих детей, и рано овдовев, не имея физической привлекательности, она так и не вышла замуж. Я привязалась к ней, когда она позволяла прятаться под ее юбками, от учителей. Полненькая, но с добрым лицом и светлым характером.

Став постарше, мне было даже неловко, что такая приятная во всех отношениях женщина, так и не смогла ощутить семейного тепла. Мужчины всегда были вокруг нее, но никогда долго не задерживались, и только пару зим назад я узнала почему.

Как-то раз, выпив больше своей нормы, графиня призналась, что бесплодна. И много лет уже пытается завести ребенка хоть от когонибудь. Но тщетно. По дворцу даже плыл слух, что мужчины делает ставки, на то, сможет ли кто-то обрюхатить графиню. Но зимы шли, графиня старела, и любовников было все меньше, как и шансов на счастье. И с каждой зимой я все больше привязывалась к ней. Она заменила мне маму в некоторых смыслах, только она осмелилась рассказать мне, откуда берутся дети, как это происходит, как женщина становится женщиной и многое другое. Учила меня тонкостям общения, хитрости, и обаянию. Я за многое была ей благодарна, и сердце вновь сжала тоска. И с ней мне придется попрощаться.

– Ну что ты кричишь Матильда? – Я встала и обняла женщину. – Ты лучше мне скажи, как давно ты знаешь, что я скоро выхожу замуж?

Женщина дернулась, громко выдохнула и, опустив руки на мои плечи, крепко прижала меня к себе.

– Эх, милая моя, – Графиня как будто убаюкивала меня в своих объятиях. – Мне папа твой обещал оторвать мою голову, полную сплетен, если я расскажу тебе. Прости меня, дорогая.

– Я так понимаю, все уже знают?

– Совершенно. – Проямлила графиня, и еще сильнее вжала меня в себя.

– Матильда, ты меня задавишь! Да не переживай, я уже смирилась.

Матильда вскинула брови и внимательно на меня посмотрела.

– Не косись, лучше помоги собраться к балу.

Модницы лучше, чем графиня высший свет не видывал. Матильда несколько зим назад

открыла свою лавку по продаже вечерних нарядов. Они пользовались, небывалым успехом у столичных модниц, а мне как любимой девочке чаще всего перепали за просто так самые изысканные новинки. Несмотря на свои формы, графиня умудрялась выглядеть настолько эффектно, что затмевала своей красотой всех плоскодонок.

Как только речь заходила о нарядах, графиня утопала в модных тенденциях и была первооткрывательницей многих стилей.

Глаза Матильды загорелись и, осмотрев меня со всех сторон, казалось, что она уже приняла решение, во что меня нарядит.

По зову, служанки внесли праздничное платье, и повесили его.

– Нет, нет, нет! – Она вскинула руки. – Ни за что ты это не наденешь!

– Почему? – я была искренне удивлена.

– Старье! Унесите немедленно! Стой здесь, я сейчас.

Графиня пропала за дверью, и вернулась через некоторое время уже с платьем в руках.

– Я хотела подарить его на твое солнце рождение.

Она протянула мне изумрудное платье, с открытыми плечами, отороченное серым мехом. Подол был расшит мелким бисером, придавая искру каждому движению ткани.

– Матильда!

– Ну, раз уж ты так хочешь покорить принца, я думаю самое время тебе его отдать.

Графиня улыбалась, на ее щеках появился румянец, а у меня побежали мурашки. Мне было так стыдно перед ней.

– Примерь его. Я хочу посмотреть.

Матильда помогла мне влезть в платье, поправила ткань, раскрыла подол и ахнула.

Платье было без пышной юбки, ведь графиня знала, как я их не люблю, и единственным украшением королевской ткани, стала атласная лента на талии. В этом платье я казалась еще выше, из-за вытянутого силуэта. Ткань искрилась, и отражала любой свет от бусин. Мех распушился и мягко оборачивал плечи.

– О, милая, ты настоящая королева. – Прошептала Матильда, сложив ладони у сердца.

И в правду, не хватает только короны.

– У меня есть еще кое-что, оно как раз сюда подойдет.

Графиня вытянула, откуда то, из рукава ленту украшенную черными агатами и большими зелеными изумрудами.

Я склонила голову, и женщина повязала ее мне на волосах, лента создавала

ощущение, будто у меня действительно корона.

– Теперь ты готова, моя дорогая.

Не украшенные концы лент мы расправили на спине, и когда Матильда отвернулась, я опять обула свои кожаные сапоги.

В дверь постучали, я спряталась за ширмой. Графиня попросила войти, и в комнате появился отец.

Руками я показала графине, что я не хочу, чтоб он меня сейчас видел.

– Но почему? – деснице короля впервые отказали показать дочь.

– Ну, Майколтон, – Заканючила графиня. – Мы планировали произвести фурор ее появлением, а ты сейчас все испортишь.

– Графиня!

– Десница!

Против женщины, которая что-то нарядила и безумно горда своей работой, не попрешь, и Майколтон сдался.

– Дорогая, – сказал он, не видя меня. – Я надеюсь, ты знаешь что делаешь.

– Да, отец.

Десница вышел, хлопнув дверью. Заподозрил подвох. Нет, папочка, ты будешь удивлен, насколько я тебя не подведу.

– Рубина, приближенные уже собирается войти в замок, не хочешь их встретить?

– Нет, Матильда, не хочу. Хочу выйти уже на балу, чтоб прям все запомнили.

– Хитрюга. Хороший ход. – Женщина улыбнулась. – Рубина, я пойду, продолжу собираться, а ты тогда жди девочка, я приду, когда начнется бал.

Как только графиня пропала за дверью, я опустилась на кровать и выдохнула. Нужно написать прощальные письма. Теперь и Матильде.

Грамоте я была обучена, хоть и доводила всех учителей до белого каления. Учиться мне нравилось, но мне никогда не нравились преподаватели.

Дорогой Отец.

Надеюсь, я, когда нибудь, заслужу ваше прощение за свой поступок. Моя любовь безгранична к тебе, папа, но я не могу быть птицей в клетке. Я всегда была свободна душой и мечтала, стать такой же, как ты. Я попробую начать новую жизнь, и добиться своих целей.

Не держите зла. Ваша не путевая дочь.

Коротко. Я не знаю, что еще сказать ему. Он ведь и так все знает.

Теперь король.

Ваше Величество.

Я, Единственная наследница герцога Майколтона Грума Волонье, герцогиня Рубина Ирсобель Волонье, беру всю ответственность за случившееся на свои плечи. Прошу миловать отца и не решать его поста десницы.

Всегда ваша раба, Рубина.

Да, именно такой фамильярный тон. Воспоминание обо мне, ребенке, единственное, что может разжалобить старика.

Теперь самое сложное – Матильда.

Дорогая графиня Киртон. Матильда.

Милая моя Матильда, мне очень стыдно перед тобой, но я не смогу выйти замуж по принуждению и поэтому попробую найти себя в другом месте. Прости меня за мой поступок и предательство. Ты самая близкая мне женщина в этом мире и навсегда таковой останешься. Я не заслуживаю столь прекрасного друга как ты. Прости меня, если сможешь.

Твоя девочка, Рубина.

Писать письмо Сезару, я не хотела, уж слишком злилась, и решив что возможно позже, я растолкала письма по конвертам, и поставив восковые печати и спрятала их за картиной. Еще не время.

Через пару часов в покоях появилась Матильда, женщина была одета во все тоже красное платье, но теперь довершенное верхом. Красная ткань неплотно обтягивала пухленькие ручки и как не странно, только придавало форму почти бесформенному телу графини.

– Пойдем дорогая, тебя скоро объявят.

Лицо ее светилось изнутри, видимо в ожидании грандиозного и ошеломительного

фурора.

Пробежав по узким, безлюдным коридорам, (ведь бал уже начался), и, остановившись у высокой двери бального зала, Матильда сунула туда голову, что-то грозно прошипела церемониймейстеру.

Всунув голову обратно, она улыбнулась мне и повернулась лицом к двери, встав четко по центру проема.

За дверями послышался громкий голос.

– ... Рубина Ирсобель Волонье, в сопровождении графини Матильды Киртон...

Двери начали открываться, едва не проехав Матильде по носу.

Она прошла чуть вперед и грациозно поплыла в самое начало зала, где на троне сидел наш король, одетый сегодня в парадно-выходную мантию, водрузив на голову золотую корону, украшенную драгоценными камнями, со скучающим видом.

По правую руку сидел мой отец, в бежевом костюме, украшенном лишь парой орденов, а по левую король Валении, черноволосый мужчина, с седыми висками, с такой же огромной короной на голове. Его лицо было усыпано мелкими морщинами, но, не смотря на это, про таких как он говорят – всегда хорош. Одет он был в темный синий костюм и плечи его покрывала меховая мантия. Несмотря на узкое лицо, он был очень красивым мужчиной, с пронзительными глазами и клыкастой улыбкой (признак чистого валлийца). От таких женщины падали в обморок всегда и везде. За его спиной стояли две девушки, фаворитки, обе хорошенькие, курносые, с длинными волосенками, но чего – то в них не хватало. Наверно поэтому их и было две. Еще левее сидел, граф Шано, с которым я уже была знакома. За представителями власти, стоял Сезар и увидев меня рот его начал медленно открываться. Вот только принца я не видела.

Матильда плыла вдоль зала, собирая восторженные вдохи завистниц и восхищенные от мужчин.

Я, шла за ней, чуть отставая.

Стараясь не споткнуться и успокоить сердцебиение, я смотрела на попу Матильды, как не странно, но ее плавные покачивания успокаивали. Я чувствовала откровенные взгляды мужчин, среди толпы я могла разглядеть многих из свиты валлийцев, по не характерным для нас, темным волосам и они то и не гнушались открыто пялиться на меня.

Валлийские женщины, были одеты в темно синие, или темно фиолетовые платья, очень редко темные головы мелькали в белых или голубых одеждах. Мужчины так же были одеты в темные костюмы, с темными плащами. Как же странно они все выглядели, яркие реванцы, темные валлийцы. Народы, которые невозможно перемешать, уж слишком очевидны различия. По лицам присутствующих читалось понимание моих мыслей.

Матильда остановилась и заговорила:

– Доброй ночи вам, Ваши Величества. – Ее поклон был наполнен такой грацией, что Драттур облизнулся.

– Доброй ночи графиня Киртон. – Произнес король, давая понять, что она может продолжить.

Я хотела бы вам представить герцогиню Рубину Ирсобель Волонье.

Матильда отошла в сторону, уступая мне дорогу.

Я подняла глаза на присутствующих и опустила в самом низком реверансе, на который была способна.

Отец лишь хлопал глазами, король, нахмурившись, рассматривал меня, у графа Шано отвисла челюсть, и только Драттур рассматривал меня с похотью, свойственной пылкой натуре валлийцев.

Одарив всех улыбкой, я проследовала за кресло отца и встала за его левым плечом.

Вопрос, где же принц мучил меня еще с полчаса. Ноги задубели от скучного стояния, отец продолжал коситься, не веря своим глазам. Все в зале танцевали, наслаждаясь вечером, а я мучилась, пытаюсь не обращать внимания на похотливые взгляды Драттура и испепеляющий взгляд Сезара который я чувствовала спиной.

– Дочка, иди, потанцуй, ты сегодня великолепно выглядишь.

Я склонилась к отцу, который, вроде бы, наконец, поверил в чистоту моих намерений. Поцеловав щетинистую щеку, я скользнула в зал.

Искать партнера долго не пришлось, откуда не возьмись, появился граф Шано.

– Я могу пригласить вас на танец, герцогиня?

Он галантно поклонился и протянул мне руку.

– Можете.

Подав руку в ответ, я была удивлена, довольно резкому рывку, и крепкому объятию.

– Простите, возможно, я сделал вам больно.

– Нет, ничего, это вы простите мне мою неловкость.

Прощупывает. Похоже, его замучил вопрос податливая ли я овечка или упрямая ослиха. Скорее второе, конечно, но кто, же ему скажет?

– Герцогиня, вы наверно удивлены отсутствием принца?

– Безусловно. – Я горестно сложила губки.

– Я хотел бы сообщить вам, что бы, вы не расстраивались. Принц немного запаздывает, так как, он решил, что очень хочет сделать вам сюрприз, в честь помолвки.

Очень хотелось сказать, что-то вроде – это помолвка для меня уже сюрприз, так

что грех вам, опоздал. И вообще, сюрпризов мне сегодня хватило с головой.

– Да вы что? Вы не шутите? – я старалась как можно сильнее наполнить голос мечтательностью и сделать еще более мечтательное выражение лица.

Видимо у меня получилось, так как Шано улыбнулся, показывая белоснежные клычки, чем стал напоминать довольного кота и немного сильнее притянув меня к себе, ответил:

– Нет, дорогая. Сюрприз ожидает вас чуть позже. А пока веселитесь, ваш отец умеет устраивать балы.

Мы танцевали, молча, пока музыка не затихла, Шано отпустил меня и, поклонившись, прошептал «вы восхитительны». Поклонившись в ответ, я постаралась как можно незаметнее ускользнуть из под его взора.

Спрятавшись за портьерой, я выдохнула и попыталась перевести дыхание.

Что-то было в этом Шано, что то, что не давало мне покоя. Рядом с ним я чувствовала настороженность, подозрение и интерес. Действительно, я почувствовала интерес. Как это было странно.

Выскользнув из за портьеры обратно в зал, я больно ударилась о грудь Сезара. Он посмотрел на меня со злостью, но поклонившись, протянул руку, приглашая на еще один танец.

– Мне нужна передышка. – Вздернув носик, и уже собралась уходить, как он, сквозь зубы прошипел:

– Рубина, пожалуйста.

Как только я вложила свою руку в его, он рывком вытянул меня из укрытия и потянул в центр зала.

– Мне больно.

Мужчина молчал и почти волоком пер меня среди разноцветной танцующей толпы. Когда место его вроде как устроило, он резко остановился и, развернув меня прямо на бегу, прижал к себе.

– Что ты себе позволяешь? – прошипела я.

Устраивать истерику и привлекать внимание, у меня не было ни какого желания.

– Выслушай меня. – Он огляделся по сторонам и, убедившись, что особо любопытных нет, склонился к моему уху. – Прости. Слышишь, прости меня? Я лишь спросил разрешения у твоего отца, и он мне его дал. Но если бы ты сказала – нет, я бы тебя отпустил.

– Я тебе не верю.

– Рубина! Я знаю тебя лучше, чем кто либо еще. – Он заглянул в мое лицо. – Как я мог не понять, что насилие выведет тебя из себя?

Доля правды в его словах была.

Сезар почти растил меня, и знал все подводные камни, о которые с треском разбивались даже самые весомые аргументы.

– Сезар, брат. – Я выдавила это слово, сквозь яд, что сочился из меня. – Что бы ты там себе не планировал, это не имеет значения. Сегодня состоится моя помолвка, а через лунник, меня отправят, куда-то к лешему за гору, и нам придется проститься навсегда.

– Не говори мне, что ты смирилась. Я не Майколтон, я знаю, что это невозможно. Тебя не сломать, мой гранит.

Он звал меня так и раньше, но после сегодняшнего случая, я услышала в них другой смысл.

– Я никогда не смотрела на тебя как на мужчину, я не могу сказать тебе, что люблю тебя.

– Так посмотри.

Красивый. Красивый и родной мне человек. Мысль о том, что он рассматривал меня как жену, откровенно пугала, но из сложившейся ситуации, я понимала только одно, что если бы у меня был выбор, я бы, выбрала его, не раздумывая.

– Я могу увести тебя, туда, куда ты захочешь. Ты хотела посмотреть на Черный океан? Я увезу тебя туда. Аварельский лес? Хорошо, как скажешь. Я готов ждать, Рубина, столько сколько ты пожелаешь.

Откровения лились из него рекой.

Капитан личной охраны короля, так просто готов от всего отказаться и рискнуть жизнь, ради чего? Ради меня? Просто потому что, он влюблен?

Музыка прекращалась, намекая, что пора сменить партнеров и подготовиться к следующему танцу.

– Подумай над моими словами, Руби. – Сказал он мне, отпуская мою руку. – Я готов ждать, помни об этом.

Скрывшись в толпе, Сезар пропал из вида, а я стояла растерянная и, похоже, с открытым ртом.

Заманчиво. Очень. Но готова ли? Он был прав, что смирение, это не про меня, но смириться ли он, если я никогда его не полюблю. Или полюблю? Я не знала, и, задумавшись, не заметила, как граф Шано вновь оказался рядом.

– Герцогиня, вы окажете мне честь станцевать со мной еще раз?

И не дождавшись, ответа он взял мою руку в свою и притянул меня к себе.

Я успела только ахнуть и, подняв глаза на мужчину, увидела едва заметный красный отлив, расходящийся от зрачков графа.

– Я не давала вам согласия, граф.

– Вы были слишком заняты мыслями о мужчине покинувшем вас только что.

Отлив стал еще ярче. Злиться?

– Я не понимаю о чем вы.

– Понимаете, еще как понимаете. – Прошептал он мне на ухо.

– Нет. Я даже не хочу знать, о чем вы сейчас говорите. Немедленно пустите меня.

Я попыталась вырваться, но сжав меня еще крепче, он добавил:

– Герцогиня, вы же не хотите отказать мне прилюдно, в такой мелочи как танец?

– Второй танец.

– На третий я бы вас и не пригласил.

– А с чем связано приглашение на второй? – Сказав это, я поняла, что выдаю себя, и моя роль дурочки трещит по швам.

Понял это и граф, и улыбнулся так, как будто злорадствовал.

– Герцогиня, это мужчина пылает к вам чувствами, но заметив вашу растерянность, я смел, предположить, что вы узнали об этом лишь недавно.

Дрожь прошибла меня, и Шано не мог, этого не заметить.

– Ваш отец сказал, что вы довольны его выбором вашего жениха, но, герцогиня, вы лжете.

Я уже холодела от страха, ноги ели двигались, и я несколько раз наступила графу на ногу.

Его это даже не смутило и, прижав меня к себе ближе, он приподнял меня над полом. Одной рукой! И продолжая кружить меня в танце, говорил:

– Я бы советовал вам держаться как можно дальше от вашего поклонника. Надеюсь, вы воспользуетесь мои советом?

Я не смогла ответить.

Казалось, никто вокруг не видит, что я не касаюсь, пола ногами, и уже почти посинела от нехватки воздуха.

– Я буду приглядывать за вами, герцогиня. Не могу позволить, что бы вы совершили ошибку, или попали в беду. Могу обещать вам, что бы ни случилось, я всегда буду рядом с вами.

Прозвучало это как угроза. Но взяв себя в руки, я поняла, что образ простушки рассыпался в пух и прах, ответила:

– Граф.

– Зовите меня Шайэн.

– Граф. Я понятия не имею, о чем вы говорите, но хочу сказать вам, чтоб вы не лезли не в свое дело.

На долю секунды мне показалось, что граф удивился, но это выражение молниеносно сошло с его лица, и он ответил:

– С сегодняшнего солнца, вы мое дело. – Прошипел он мне в ухо. – Целиком и полностью. Куда бы вы ни пошли, и чем бы ни занимались, я всегда буду рядом.

– Не смейте. – Прошипела я, едва скрывая злость.

Графа моя злость повеселила и, улыбнувшись, уже дружелюбной улыбкой, он поставил меня на землю.

– Если вы не хотите меня слушать, пожалуй, я поговорю с ним. Сезар? Кажется, так его зовут?

Я вздрогнула. Расценивать это ни как угрозу, было не возможно. Это графченок откровенно угрожал расправой на Сезаром, практически шантажируя меня. Отказать я не могу, и единственное правильное решение, в этом случае – подыграть.

– Пожалуйста.

– Что?

– Пожалуйста, я прошу вас граф, не нужно.

– Что не нужно, герцогиня? – Он издевался, упиваясь своей победой. Глазу уже почти полностью стали красными.

– Я прошу вас, граф, не нужно говорить с Сезаром. – Я склонила голову.

Музыка уже почти закончилась и пары прекращали танцевать.

Шано поднял мое лицо на себя, и пристально глядя мне в глаза, сказал:

– Умоляйте герцогиня, и я подумаю.

Почему? Почему меня так пугал цвет его глаз? Почему я смотрела в них и мои ноги дрожали, только от мысли, что может сделать это мужчина.

– Я умоляю вас...

– Лучше. Старайтесь герцогиня.

– Я умоляю вас, граф, прошу, пожалуйста, не делайте ему ничего плохого.

По привычке, как я просила о чем-то отца, я положила обе ладони ему на грудь.

Шано вздрогнул от моего прикосновения и глаза его вспыхнули, словно лава. Скинув

мои руки, он огляделся и, заметив, что мы начинаем привлекать внимание, склонился в поклоне.

– Надеюсь, мы поняли друг друга, моя госпожа. Не делайте глупостей.

Не смотря мне в глаза, он развернулся и проследовал прочь из зала, обернувшись, я поняла, что короли на нас не смотрели, обсуждая, что то, отец беседовал с Мотти, и только Сезар, стоявший поодаль от пьедестала сверлил меня ревнивым взглядом.

Что же мы наделали? Решение сбежать было уже окончательным и единственно верным. Еще не хватало всю жизнь прожить рядом с этим злым графом, который с первого солнца возомнил себя кем-то важным! Но, грех подери, он знал куда давить...

Решив немного уединиться и привести мысли в порядок, я решила пройтись по саду.

Летняя прохлада коснулась лица, запах роз оседал на руках, наполняя ночь свежестью. Луна светила большим белым фонарем, не желая оставлять без своего внимание ничего, что укрылось в темноте. Дорожки было чудесно видно, благодаря чему, я достаточно быстро добралась до беседки. Сад был пуст, по пути я встретила, лишь пару парочек, не сумевших дотерпеть до своих покоев. Как я и думала, беседка была пуста.

В пушистом кустике пел сверчок позволяя мне не чувствовать себя одинокой.

Побег. Брат Сезара или не стоит? Наверно нет, не хочу подставлять его под удар. Если он останется, никому и в голову не придет, что он может быть хоть как то причастен. Просить его о помощи я теперь тоже не могу, или он поймет, что я решила отказаться от его предложения. Вот так, в одно солнце у меня появилось секретов больше, чем за всю жизнь. И теперь, все, кто был мне дорог, неожиданно стали чуть ли не врагами, пытавшимися продать меня. Только не Сезар... Неужели он и в правду влюблен в меня? Как столько лет ему удавалось скрывать этот факт? Он решил мне помочь с побегом, но не обговариваемым условие было его наличие. Что меня решительно не устраивало. Еще этот граф! Он что следить теперь за мной будет? Как ищейка следовать за мной? Ууух, ненавижу!

Неожиданно для себя я поняла, что эмоции, которые вызывал у меня граф, были не ненависть и отвращение, а скорее раздражение и азарт. Неужели мы играем? Правил этой игры я не знала, и само действие мне однозначно не нравилось, но желание продолжить и позлить его, промелькнуло в моей голове.

Неожиданно в беседку прошла фигура в темной одежде, и уселась напротив, спрятав лицо в тени крыши.

– Доброй ночи. – Сказал мужчина, что было очевидно.

– Доброй ночи. – Ответила я, и попыталась всем своим видом продемонстрировать свое равнодушие.

– Вы не против, если я составлю вам компанию? – В его голосе было, что-то жесткое и это прозвучала не как вопрос, скорее как утверждение.

– Вы не можете составить мне компанию, так как я как раз собралась уходить.

Я уже было поднялась на ноги, как неизвестный одним движением сбила меня с ног и вернул в сидячее положение.

Не успев даже вздохнуть толком, я что было сил толкнула его, и чуть ли не на карачках попыталась бежать. Мужчина не ожидал такого отпора, но быстро пришел в себя и наступил мне на платье. Ткань треснула, и бисер с порванных нитей посыпался на пол блестящими искрами. Получив рывок от порвавшегося платья, я, стараясь не упасть, бежала, не разбирая ног. Фигура сделала шаг вперед и, наступив на скользкие бусины, начала терять равновесие. И только услышав грохот, мое тело поймало сигнал тревоги и помчалось, не спросив меня. Оборачиваться не было желания и затормозила я только когда со всей дури врезалась в графа Шано. Как ни странно, мужчина устоял и даже не пошатнулся, но явно был растерян. Схватив меня за плечи, он попробовал удержать меня на одном месте, но я продолжала молотить ногами воздух и повизгивать. Не сразу признав графа, я готова была бежать дальше, но мужчина встряхнул меня и вопросительно, но грозно рявкнул:

– Герцогиня?!

Остановившись, я поняла, что ноги не достают до земли, и я просто повисла в руках у графа.

– Там... Там... На меня...

К горлу подкатывали слезы, грудь сжала рука истерики. Только сейчас я поняла, насколько напугана.

Граф, поняв что, вразумительного ответа от меня не добьется, поставил меня на пол и заглянул на спину.

– На вас напали?

– Да! – Слезы хлынули градом, плечи тряслись как листья на ветру, ноги начали подкашиваться.

Попытавшись поставить меня на ноги, но не получив должного результата, ведь я как кусок нежнейшей вырезки, сгибалась и готова была поцеловать землю, граф взял меня на руки и понес до ближайшей лавочки.

Как назло, лавочек по близости не было, (или на счастье), и граф проносил меня достаточно долго, а я продолжала реветь, и утыкаться в графское плечо. Наконец нашелся деревянный стол, за которым король иногда завтракал на свежем воздухе. Стульев рядом не оказалось. Водрузив меня на стол, граф осмотрел ущерб и, мысленно подсчитав расходы, произнес:

– Герцогиня, вашему платью нанесен непоправимый ущерб... К сожалению...

Платье действительно было порвано, и не подлежало ни какому ремонту. А ведь это подарок. От этой мысли стало еще обиднее, и я заревела с новой силой.

– Не думал что герцогини такие плаксы. – Граф произнес это с явной усмешкой.

На секунду я опешила.

– Чего?

– Плакса вы, герцогиня.

Я только и смогла открыть рот.

Неожиданно дунул сильный порыв ветра, и остатки моей юбки поднялись в воздух, продемонстрировав графу круглые коленки и старые сапоги. Шано с явным интересом разглядывал, как я неловко пытаюсь удержать платье, и как мои попытки проваливаются.

Порыв кончился, и Шано смотрел на меня, уже не скрывая улыбки. Я покраснела.

– Ну что же вы смущаетесь. Такие прекрасные ноги нужно демонстрировать как можно чаще.

Мне стало так стыдно, так обидно и горько, что глаза вновь наполнились слезами, только теперь я не хотела их показывать и, спрыгнув со стола, зашагала к дворцу. Сжав кулаки, я глубоко вдохнула и побежала. Но бежала я не долго, натренированный десница, нагнал меня почти сразу же.

– Герцогиня.

Я остановилась и резко повернулась к Шано. Он не успел притормозить и буквально толкнул меня грудью. Его руки тут же сомкнулись на моей талии, придерживая от падения. В который раз за сегодняшний вечер я оказалась в его объятиях? И стыдливо поразмыслив, я поняла что, это не вызывает у меня отвращения.

На секунду я остолбенела, сильные руки прижимали меня к себе, а фиолетовые глаза заглядывали прямо в душу.

– Знаете что, Шано...

– Прошу вас, зовите меня Шайэн.

– Знаете что, Шано, идите вы к Чернохвосту!

– Ваша милость, я готов на все, что вы мне прикажете.

Молчание. Еще полчаса назад он мне откровенно угрожал, а сейчас такой мягкий и податливый тон, вызывал во мне отвращение к лицемерию.

– Скоро я стану вашим законным слугой, и мне, пожалуй, пора привыкать.

Опять издевка.

Выскользнув из объятий, я с еще большей яростью зашагала вдоль аллеи. Проскользнув во дворец, я по потайным путям попала в свои покои и села на постель. Откинувшись, я рассматривала потолок и думала.

Кто был этот человек? Почему я? Какая была цель? Убить или покалечить? Или просто напугать?

Шано был рядом очень вовремя. Так. Стоп. Шано. Какого лешего он забыл в саду? Насколько помню, я оставила его в бальном зале. Но как, же он был во время. Гад. Сволочь. Но такой притягательный. Так, опять стоп. Какой Шано? Ты бежать собралась или где? Шано. Ишь ты. Ага, щaaaaаз.

Дверь, неожиданно открылась, на пороге стоял отец с наполненными кровью глазами. Казалось от злости, из его ноздрей шел пар.

– Какого рожна ты тут лежишь?!

Проревел он как раненный медведь.

Вскочив с постели, я пыталась поправить короткое, рваное платье, стараясь закрыть колени.

Папа опешил, замолчал и смотрел то на меня, то на рванину, что когда то была платьем.

– Это что еще такое? – вопрос прозвучал с потаенным страхом услышать ответ.

– В саду на меня напали. – Я сказала, опустив голову, и прекратив попытки закрыть ноги.

– Доченька.

Отец сел на стоящее рядом кресло, я бы даже сказала, упал.

На секунду я увидела, постаревшего и перепуганного мужчину, который чуть не лишился самого дорогого, что у него есть. Седая голова, казалось, становится еще более седой. А если бы со мной что-то случилось? А если бы я пропала? Стало безумно больно, думать о мужчине, сидящем в кресле и положившим руку на сердце. План побега уже не казался таким замечательным. Скорее он был похож на самый суровый удар, который я могла ему нанести.

Майколтон тяжело дышал, смотря, куда-то в стену. Минуту другую в комнате висела тишина. Потом мужчина вздрогнул и, посмотрев мне прямо в глаза, спросил:

– Где?

– В саду.

– Когда?

– И двадцати минут не прошло.

– Кто это был, видела?

– Нет, было темно. Знаю только что мужчина.

– Узнать сможешь?

– Только если по голосу.

– Свидетели были?

– Нет.

Мне не хотелось упоминать в разговоре графа, как и не хотелось рассказывать отцу, при каких обстоятельствах мы разошлись.

– Убью. – Прошептал отец. – Уничтожу!

Последнее уже было воинственным кличем.

– Сейчас же переодевайся, и пойдём со мной в бальный зал, найдем там Матильду, ты останешься с ней, а я кое-что проверю.

Спрятавшись за ширму, я скинула с себя остатки платья и, стянув с вешалки другое, начала его надевать.

– Пап, мне нужна твоя помощь. – Как можно тише сказала я, когда поняла, что не смогу самостоятельно справиться с корсетом.

– Да будь оно не ладно.

Мужчина помог затянуть шнуровку и, повязав бант внизу, вынул шпильку из волос.

– Всю причёску тебе испортили.

Волосы чуть ниже спины рассыпались по плечам, легкими волнами. Ленту я сняла, все-таки не моя, надо будет вернуть.

Практически волоком отец донес меня до балного зала и втощил внутрь. Поставив меня возле своего кресла, папа наклонился к уху короля и зашептал.

Лицо старика менялось на глазах. Испуг, радость, злость, ярость. Под конец монолога, лицо короля украшали надвинутые густые брови, выражающее вселенскую злость и желание убивать все, что попадает под руку.

Король движением пальца подозвал меня к себе.

– Ваше Высочество.

– Подойди ближе.

Почти касаясь королевского плеча, я вопросительно посмотрела ему в глаза.

– Все в порядке, дитя?

– Да, Ваше Высочество, я в порядке.

Ну не мог себе позволить король столь близкое отношение с придворными, хотя я, конечно, считала его дедушкой. Так вот и беспокоился он, на ушко, что б никто и ни куда. Встав туда, где я стояла, я поймала на себе заинтересованный взгляд Драттура.

Ну, поменяла я платье, и что? Подумаешь. Я же девушка.

Пошептавшись с королем еще пару минут, отец подошел ко мне, и сказал:

– Я сейчас пушу по толпе шепоток, что тебе без принца бал не мил, и ты ждешь его появления, отсиживаясь в покоях. – Отец ладонью позвал двух страж. – Провести до покоев графини Киртон, хоть волос... Уничтожу.

Вырвавшись из душного зала и оказавшись в прохладном коридоре, я чуть сбавила шаг. Здесь мне было не страшно, а вот сидеть в покоях Матильды и ждать чуда чудесного появления принца, желания совсем не было. И я шла как можно медленнее. Стража неторопливо шагала следом.

Навстречу нам вышел граф, и не прошел мимо, как я предположила, а остановился и дождался приветствия.

– Доброй ночи, десница Шано.

– Вы свободны. – Подхватив меня, удивленную под локоток, граф повел в ту сторону, из которой только что пришел.

– Десница?

Шано остановился и медленно повернул голову.

– Я же сказала, вы свободны.

– Но нам дали приказ сопроводить герцогиню до ее покоев.

– Я освобождаю вас от этого задания, и спешу заверить – я сам справлюсь со столь не легкой задачей.

– Но, десница?

– Вы смеете спорить господу? – спросил граф, в то время как глаза его начинали краснеть.

– У нас приказ от герцога Волонье.

– Вы подозреваете меня в государственной измене?! Здоровье и благополучие госпожи Рубины, сейчас находиться под моим контролем, и я вас уверяю, я справлюсь с этим лучше, чем вы. – Последнее он прошипел, и его начала окутывать серая дымка.

Видимо я не одна это заметила, так как охрана, переглянувшись, поклонились, и собрались, уже было выходить, как граф добавил:

– Что б до конца вечера на глаза ни мне, ни деснице не подались. Ясно?

– Так точно.

Я смотрела на то, как испуганная стража улепетывала, и подумал о том, как же быстро граф решает проблемы.

Вот если бы он и был наподдавшим, они сейчас собственноручно, почти не проявив

сопротивления, отдали меня в лапы убийцы.

Я была более чем уверена, что они в правду до конца солнца будут избегать встречи с отцом и самим графом. Я бы наверно тоже не отказалась убежать сейчас.

Прервав мои рассуждения, граф, под локоток повел меня к покоям Матильды.

Всю дорогу он молчал, и лишь уже у покоев графини, спросил:

– Почему я каждый раз должен искать вас, герцогиня?

– Я не могу найти не одного повода для того, что бы вы меня разыскивали.

Граф остановился и посмотрел на меня.

Но я была непоколебима. Я смотрела в его фиолетовые глаза с нескончаемым равнодушием. Лишь чуть хмурила брови.

Граф, тем временем, продолжил:

– Я хотел бы извиниться перед вами, герцогиня. Я обидел вас и высмеял. Мое поведение было не достойно вашей персоны. Вы были в трудном для вас времени, а я вам не помог. Если вы желаете, можете отправить меня на конюшню, на порку.

Он смотрел мне прямо в глаза. Это был вызов, он ждал ответа как жертву. Как волк ждет зайца, что бы вцепится в его белую шейку и оросить белоснежную шубку алыми каплями.

– Уважаемый граф Шано...

– Шайэн.

– Уважаемый граф Шано, если вам будет угодно, вы можете, хоть сейчас отправится на конюшню. Но только, учтите, эту будет принято лишь вами решение. Я в этом участвовать не собираюсь. Всего вам доброго, благополучия, деток здоровеньких.

Сделать еще шаг мне не дали, и на полуобороте, граф припечатал меня к стене, удерживая за плечи.

Он молчал. Я тоже молчала. Мы просто смотрели друг на друга. В ожидании того, кто же первый сдастся.

Я смотрела в фиолетовые глаза, и понимала, что я раньше никогда не видела валлийца так близко, не смотрела в лицо, не разглядывала радужку глаз. Я никогда не смотрела так открыто в лицо мужчине, не следила, как сосредоточено меня разглядывают чужие глаза. Ни доли стеснения, ни капли смущения, как будто, так и должно было быть. Мы разглядывали друг друга так, как будто другой возможности нам и не представиться.

– Рубиночка, ты здесь? Дорогая?

Голос Матильды раздавался, где то в начале коридора.

– Вам лучше исчезнуть. – Прошептала я, мечтая о том, что бы Матильда вдруг

неожиданно приобрела скорость улитки.

– Как скажете, герцогиня.

Его руки отпустили меня так же резко, как и поймали пару минут назад, и граф растворялся в темноте, потушив все свечи на своем пути, порывали воздуха.

– Матильда, я здесь. Я жду тебя.

Матильда с неожиданной прытью, дошла до меня и, посмотрев в лицо, спросила:

– Доченька, все, что сказал Майколтон, правда?

Доченькой она называла меня только в минуты особого единения. И я позволяла. Иногда мне очень хотелось, что бы хоть какая нибудь женщина назвала меня «дочкой». Из уст Матильды это было приятно.

– Правда. Мотти, он мне платье порвал, то, что ты мне подарила.

Слезы опять выступили на глазах. И заревев, я уткнулась носом в пухленькое плечо.

– Ничего, я тебе другое подарю. Не плачь девочка. – Погладив меня по голове пару минут, вытерев все слезы, графиня повела меня к себе в покои.

– Какая же скотина затужила все свечи. – Причитала Матильда.

А я знала какая. И, похоже, она мне очень нравилась.

Матильда жила при дворе, отказавшись от своего наследного имения, в пользу, сохранения средств, в королевской казне. Так что этот замок Мотти вполне могла считать своим домом, за не имением другого. Зато она всегда была при дворе, была в курсе всех свежих сплетен и всегда находилась поближе к королю, чем и заслужила его безграничное доверие.

Затащив меня в свои покои, которые, кстати, были больше чем мои раза в три, и имели несколько комнат, в отличие от моей одной, имели безумную обстановку.

Стены были украшены оранжевым шелком, ореховая мебель, цветная постель с множеством маленьких подушечек. Жить здесь я бы не смогла, сходя с ума от цветовой гаммы, но Матильда чувствовала себя уютно.

Рухнув на это цветное безумие, я сладко потянулась.

Вкратце рассказав историю о нападении, опять же не сообщив о Шано, я немного успокоилась.

Матильда пила вино, крепленное, и слушала меня, широко распахнув глаза.

Дослушав, Матильда поставила кубок на пол и, поднявшись с кресла, сказала:

– Я сейчас сбегая до твоего отца. По пути позову Сезара. Не уходи только никуда, я скоро вернусь.

– Не надо!

– Чего не надо? – Вопросительно посмотрела на меня графиня.

– Не зови Сезара. Мы немного повздорили.

Ничего не ответив, графиня умчалась.

Я осталась одна со своими мыслями. Граф не выходил у меня из головы. Что-то в нем тянуло меня и звало к себе. Я знала его лишь несколько часов и такие чувства. Неужели это и есть любовь? Матильда говорила, что я пойму это сразу, как только увижу его. Говорила, что это непреодолимая сила, которая разрывает голову, и сердце на части. У меня такого не было, мне просто хотелось подольше смотреть в его глаза.

Матильда вернулась с плохими новостями. Ну, плохими они, конечно, были по ее мнению.

Принц не смог явиться на бал, так как юноша очень хотел поразить меня умение проводить бой верхом на коне. Идиот. Опять же, с моей только точки зрения, а со слов Матильды, храбрый молодой человек. И вот, на последней тренировке, ушибся и теперь имеет на лице – синяк, одна штука.

Явится на бал с фонарем, принцу не позволила репутация и стыд. Очаровательное лицо принца было изуродовано! И кем? Бревном! И, о Сереброцветая! Сюрприз удался!

Мне же напротив, стало легче. То есть у меня есть время подумать, пока принц не оклемается. А это солнц семь. Мне хватит. Видеть его мне не желательно, так как мы не знакомы, а познакомится, по правилам, должны именно прилюдно. Так что пока фонарь не пройдет, принц будет меня избегать.

Самых приближенных короля расселили в северном крыле замка, и шансов столкнуться с принцем у меня не было. Так что замок, точнее южная его часть была предоставлена мне полностью. Единственное о чем я думала, это кто же на меня напал. И где он сейчас?

Стоит ли мне его опасаться.

Матильда, уже выпив достаточное количество вина, клевала носом. Уложив ее спать, и клятвенно пообещав дойти до комнаты без происшествий, я выскользнула из покоев графини, и побрела в сторону своих.

Что-то в моей душе мечтало, что бы прямо сейчас, из тусклого коридора, навстречу мне шел Шано. Но этого не произошло. Вместо графа, у моих дверей стоял Сезар.

Грыыыых...

– Рубина! – Улепетывать назад уже было поздно и, набрав в грудь как можно больше воздуха, я сделала шаг на встречу.

– Я так волновался! Что случилось? Почему ты не позвала меня?

Теплые и тяжелые ладони опустились мне на плечи, а добрые глаза казалось, смотрят прямо в душу.

Эх, знал бы ты, почему сам бы не рад был.

– Я так волновался.

С этими словами он прижал меня к своей груди.

Мне показалось, что в темноте коридора я увидела движение. Но, поморгав для верности пару раз, смирилась с тем, что это, скорее всего паранойя.

– Рубина, посмотри на меня?

И оторвав меня от себя, Сезар наклонился и посмотрел мне в глаза.

Да, ростом его природа наделила, тут не поспоришь.

– Почему ты не позвала меня?

– Я... Я не успела.

– Майколтон нашел тебя в твоей комнате. Почему ты не пошла ко мне?

– Я испугалась. – Неожиданно честно для себя, ответила я.

Ведь лишь некоторое время назад, граф угрожал мне расправой над ним, и какое-то время я вообще рассчитывала прятаться от Сезара, дабышний раз не провоцировать Шано.

После этих слов Сезар вновь склонился надо мной и поцеловал.

Двумя руками он обхватил меня за талию, и прижал как можно ближе к своему телу.

Может на мне сказалась усталость, или испуг, но я не сопротивлялась. Мне захотелось как можно больше времени провести в его таких знакомых и теплых руках.

Почувствовал, что я не отталкиваю его, Сезар провел языком по моим губам, легко, едва ощутимо, но мои колени от чего то, задрожали, и не ощутив сопротивления мужчины, уже уверенно, проник в мой рот.

Губы его были горячими и буквально обжигали меня. Но что то все равно было не так.

Сезар тем временем придавил меня к стене, и, продолжая целовать, начал изучать мое тело руками.

Вот тут то, я и поняла – ждать он не сможет.

Горячий реванец, не вытерпит и пары солнц рядом со мной, оставив попытки

доказать мне свои чувства. Он слишком желал меня, возможно даже слишком любил. И когда его рука уже развязывала ленту моего корсета, я как могла, выставила руки вперед и сказала:

– Нет!

– Почему нет, Рубина? – Продолжая целовать мою шею, и не обращая внимания на мой отпор, спросил он.

– Нет, Сезар, я не готова.

– Не бойся, я не обижу тебя.

– Сезар, пожалуйста.

– Рубина, я так долго этого ждал, не отталкивай меня.

И взяв мои руки за запястья, он отвернул их от себя и убрал за мою спину.

– Я не обижу тебя, обещаю, тебе понравится.

– Нет, Сезар, пожалуйста, мне нельзя, я же девочка!

– Я знаю. Недаром столько лет сторожил твою спальню, чтоб какойнибудь сопляк посмел тебя обесчестить.

Теперь он давил меня к стене уже всем телом, не оставляя возможности вырваться.

– Только не кричи, прошу тебя.

Какой там кричать! Я дышать не могла! А он продолжал развязывать ленту и настойчиво тянул платье вниз.

– Тебе будет хорошо. После такого Майколтон точно отменит помолвку с принцем! С этим сопляком! Я видел его, Рубина, и поверь мне, я лучше. Я докажу тебе что я лучше.

Платье трещало по швам, оголяя плечи и возможно, Сезар увидел бы и грудь, но в эту секунду возле моего лица пролетел кулак и ударил мужчину прямо в голову. От столь неожиданного удара, Сезар не успел бы прикрыться, в любом случае, тем более, он был очень занят снятием с меня одежды, что и решило его судьбу.

Он упал как подкошенный и я только сейчас увидела, графа Шано. Казалось, он полыхал огнем, причем в прямом смысле. Вокруг графа танцевала черная дымка, словно языки пламени она держалась за его одежду. Почти прозрачные, но различимые лепестки черного пламени, ласкали его темный китель. Выражения лица, словно лед, покрывал мое тело изморозью и вызывало дрожь. Глаза горели красным огнем, словно два угля, раззадоренных ветром.

– Дама сказала «нет». – Ледяным тоном произнес Шано.

Я не знаю, кому он это сказал, но Сезар был без сознания, а я уже была на грани обморока.

Неожиданно он перевел взгляд на меня, и я сжалась в комок и присев укрыла голову руками.

Кто знает, что у него в голове, может он и меня вырубит заодно с Сезаром?

Но в место этого, граф сделал шаг в мою сторону и тихим, угрожающим голосом, спросил:

– Боишься?

Я молчала, слезы паники уже сковывали горло и застилали глаза. Боясь даже сделать лишнее движение, я едва дышала.

– Я спросил, ты боишься?

– Д-да.

– Встань.

Я затрясла головой и продолжила сидеть.

Шано схватил меня за плечо и рывком поставил на ноги.

– Я сказал тебе встать! – Рывнул он, стараясь повернуть меня так, чтоб я смотрела ему в глаза. – Я говорил вам, герцогиня, что бы вы ни приближались к нему. Говорил? Вот последствия. Вы сами виноваты.

С этими словами, он перекинул меня через плечо и понес вдоль по коридору.

– Чтооо? Куд-да? – шептала я.

– Вы проведете ночь, в моих покоях. Я не намерен сторожить вашу спальню, герцогиня. Я не ваш верный пес. – Сделав акцент на этих словах, он намекнул на то, что сказал мне Сезар пару минут назад.

Значит, граф слышал все, что он мне говорил. Интересно, все ли он видел?

– Но... Мне нельзя спать у вас! – Я решила, что если окажусь в его спальне, он может повторить, то, что сам и остановил.

Больно поставив меня на ноги, он тряхнул меня за плечи и сквозь рык, сказал:

– Вы думаете, что я вас изнасилую?!

Я кивнула, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Даже если и так, вы не особо сопротивляетесь. – Прошипел он.

Это стало последней каплей.

Страх сняло как рукой. И чего это я так раскисла? Это мой замок, и я тут хозяйка! Сейчас как заору, все примчатся. Я устрою такой скандал, что помолвка не то, что сорвется, а разлетится в дребезги.

Звонкий хлопок пощечины разлетелся эхом по коридорам.

– Не смейте. – Прошипела я.

– Где была эта решимость, когда вас лапал этот потомок верблюда?

Еще одна пощечина.

– Не смейте так говорить. Вы его не знаете. Не знаете меня. То, что меня кто-то лапает, как вы выразились, не ваше дело.

– Ошибаетесь. – Сказал он и коснулся моего виска.

Тело как будто в одно мгновение уснуло. Мышцы расслабились, кожа согрелась.

Падающую меня, Шано подхватил на руки и, понес дальше, уже молча. Я не могла пошевелиться, открыть рот, что-либо сказать, я только моргала и смотрела на графа.

Он смотрел только вперед и сурово поджимал губы. Глаза его продолжали гореть, но уже не так ярко.

Красивый. О, Сереброцветая, какой же он оказывается красивый.

Не смотря на всю неловкость ситуации, я до последнего не могла поверить, что он причинит мне боль. Я не могла представить, что возможно он сейчас тащит меня в свои покои, что бы надругаться. Я была спокойна. Невероятно и неправдоподобно спокойна.

Я никогда не видела магов, но граф определенно им являлся. Так может это колдовство, какое то? Может он меня заколдовал и поэтому он мне нравится? Нравится? Да, он определенно мне нравился. Я чувствовала силу, которая бежала по его венам, и она тянула меня к нему, словно пламя мотылька. Такой жуткий и злой, он напоминал мне отца в моменты ярости, но как бы, то, ни было, я боялась его, но только не так, как должна была.

Пока я размышляла, граф донес меня в северное крыло, до дверей своей комнаты, и, открыв ее, с ноги сказал:

– Свет.

Над нашей головой загорелось три ярких шара, которые плавно передвигались под потолком.

Шано положил меня на постель и сел в кресло.

Мне показалось, что он специально положил меня так, что бы я ни видела его, а смотрела в потолок.

– И что мне делать с вами, герцогиня? Если вы не понимаете с первого раза. Я предупреждал, что бы вы держались от него подальше. Я предупреждал, что я всегда буду рядом. И вот результат! Мне пришлось его вырубить. – Последнее он сказал с ноткой наслаждения, видно вырубить Сезара он давно хотел. – А теперь будем рассуждать. Что я могу вам предложить. Первое. Я прямо сейчас иду к вашему отцу

и рассказываю ему о сложившейся ситуации.

Эта идея мне значительно не понравилась. Если отец узнает, он вышлет Сезара куда-нибудь на границу и больше никогда не подпустит к Столице. Такого он не простит.

– Второе. – Продолжил граф. – Я сейчас вывожу вас из оцепенения, и вы обещаете мне, что ваши отношения с ним навсегда прекратятся. Обещаю, я сам дам ему понять, что бы в вашем поле зрения его больше не было.

Это мне тоже не очень понравилось, и я зло сощурилась.

Я уже поняла, как граф убеждает в своей точке зрения. Боюсь, что и после этого удара у реванца будет сотрясение, и он несколько дней проведет у лекаря.

– И третье, самое действенное средство. Я буду вашим личным и официальным сопровождающим. Всегда и везде.

Ну вот только этого мне не хватало! После того что произошло сегодня, мне и так всегда и везде будет мерещиться Шано.

– Я даю вам на раздумья ночь. И, спешу вас заверить, эту ночь, вы проведете под моим, неустанным, контролем. Но в таком состоянии или в нормальном зависит только от вас.

Он встал и проследовал к маленькому шкафчику. Когда он открыл двери, я поняла что это бар.

Вынув оттуда стеклянный стакан и бутылку, с какой-то темной и явно алкогольной жидкостью, он наполнил его и вернулся к постели, в которой я лежала. Сев на край, он сделал большой глоток и не поморщился.

– Если честно, я не хочу снимать это блок. Молчаливой вы мне нравитесь больше.

Я уже злилась.

Вот все мужчины такие! Молчи женщина! Сколько можно меня эксплуатировать?

– Злитесь? – Спросил он и посмотрел на меня.

В глазах волнами билась тоска.

Неожиданно я растерялась. Мне стало как то очень грустно, и захотелось прижаться к его груди и утешить.

– Герцогиня, мне кажется, иногда вы думаете, что принимаете правильное решение, но поймите, как много боли это может принести вашим близким.

Он говорил о побеге. Я была уверена, что он говорил о побеге.

Мои глаза открылись, и видимо стали как блюдца, потому, что граф продолжил:

– Я все знаю. И не позволю вам совершить ошибку. Я могу вам гарантировать – вы с Сезаром никуда вдвоем не уйдете.

Что? На секунду я растерялась.

Он слышал наш разговор, когда Сезар предлагал мне сбежать вместе? Или знает о том, что я планирую уйти одна?

Видимо какие то размышления отразились в моих глазах, отчего лицо графа вновь похолодело, и он начал развязывать ленты на моем и так еле живом платье. Видимо отец потрудились на славу когда затягивал мне корсет, потому как граф очень быстро сорвался и просто разорвал их.

Но мне было безумно спокойно. Не правильно, не убедительно. «Где?» спрашивала я себя, «Где паника? Страх? Тебя сейчас изнасилуют, а ты лежишь тут как бревно!». Вспомнив о бревнах, я поняла, что не раз слышала это выражение, которое употребляли мужчины в отношении женщин не страстных в постели. И неожиданно для самой себя развеселилась.

– Герцогиня, я знаю, о чем вы подумали, но смею вас разочаровать, я не собираюсь над вами надругаться. Я лишь помогу избавиться от вашего рваного платья и принесу вам новое, в которое вы переоденетесь.

Поможет избавиться от платья? Веселье прошло так же быстро, как и появилось.

Но закончив со шнуровкой, граф остановился и отошел в центр комнаты.

– Что вам принести? Хотя, знаете, сам найду. – И улыбнувшись, он достал из кармана красный шарик, и, сжав его в ладони, загорелся алым пламенем и исчез.

Я так и лежала, неподвижно, но теперь еще и крайне удивленной.

Через пару минут все там же взревело пламя, и из него вышел целехонький граф, держа в руках одну из моих ночных рубашек.

– Мне понравилась эта. – Подойдя ко мне и положив ее на постель, он вернулся в кресло и сел.

Я покраснела. Так как это рубашка была почти прозрачной, подаренной Матильдой на одно из моих солнц рождений. Я никогда ее не одевала, считая слишком не приемлемой для сна.

– Вы можете говорить, герцогиня. – Граф сделал еще один глоток.

– Меня будут искать. – Сказала я, и не узнала свой голос. Хриплый и тихий.

– Не будут. Я создал иллюзию, что вы спите в своей постели. Вы можете встать и переодеться.

Прижимая платье к груди, я села и осмотрелась.

До этого я видела только потолок, и часть одной из стен.

Сейчас я рассмотрела кровать, на которой лежала, большой деревянный шкаф, украшенный резьбой в виде неизвестных мне символов, кресло в котором сидел граф и маленький столик возле него. Со стороны двери стояла ширма, я так понимаю, скрывающая дверь в ванную комнату.

– Переодевайтесь. Я устал и хочу лечь спать.

Спустив ноги на пол, я взяла в руки одежду, которую он мне принес и сказала:

– Выйдите.

– Я же сказал. Я теперь всегда буду рядом. И знаете, в благодарность за ваше спасение, вы могли бы и не лишать меня возможности лицезреть ваше прекрасное тело.

Чувствуя, как щеки загорелись румянцем, я повторилась:

– Выйдете, пожалуйста, граф.

– Умоляй. – Все тем же ледяным тоном, как тогда на балу, сказал он.

– И не подумаю. – Видимо спокойствие меня еще не покинуло.

Граф оскалился и встал. Сделав ко мне пару шагов, он поставил меня на ноги и рывком сдернул и так ели державшееся на мне платье.

– Мне плевать, что у вас под ним, я видел такое не раз, и вы ни чем особенным не отличаетесь. – Зло шептал он мне. – Вы лишь вещь, которую я охраняю, смиришься с этим.

С этими словами он развернулся и, хлопнув дверью, вышел.

А я стояла, покрываясь красными пятнами, и понимала, что выхода у меня действительно нет. Ни малейшего шанса скрыться или сбежать от него. Все мои планы катились цифре под хвост. Побега не будет. Он отрезал мне все пути к отступлению.

С этой мыслью я сняла нижнее белье и одела рубашку.

Придется смириться. Его уверенный голос эхом бился у меня в голове, ударяясь о стенки и вызывая головную боль.

До дверей я добралась на полу согнутых и, сняв мужской халат, через слабость натянула его на себя, когда раздался стук в дверь.

– Я могу войти? – Приказной тон. Таким не спрашивают.

И как я и ожидала, не дождавшись ответа, он вошел внутрь.

Увидев меня, еле держащуюся на ногах, его злое лицо, разгладилось и в нем появилось беспокойство, но только на секунду.

– Ложитесь спать.

Я кивнула и направилась к постели, как меня подхватили сильные руки и понесли в кровать.

Опустив мое тело, граф наклонился и почему то принюхался к моему лицу.

– Что вы пили?

– Ничего.

– Ели?

Задумавшись, я поняла, что не ела сегодня ничего, и вообще не помню, когда в последний раз что-то было в моем желудке. Как будто вспомнив об этом, мой живот заурчал.

Я мотнула головой, но граф и так все понял. И за долю секунды вновь исчез в пламени. Вернулся он так же быстро, держа в руках поднос с тарелками, от которых шел пар.

– Вам нужно поесть.

Сказав это, он опустил его на мои колени и сел в кресло.

Перед моими глазами была тарелка полная ароматного жаркого, с кусочками нежного мяса, грибная похлебка, пирожок, как позже выяснилось, с яблоком и большая кружка вкусного компота.

Я не смогла удержаться и напала на еду как голодный зверь, успевая, есть суп одновременно с горячим.

Отвлеклась от пищи я лишь, когда заметила, что граф смотрит на меня с нескрываемой улыбкой.

Я вопросительно кивнула головой, мол «Что?» и он сказал:

– Я впервые вижу, как истинные леди едят все одной лишь ложкой.

Ха ха! Про себя рассмеялась я. Я леди то конечно была, может быть, но есть, мне приходилось и голыми руками, когда я отправлялась с отцом в походы. И спать в палатке, на почти голой земле, и драться на шпагах и метать ножи, все этому меня научили воины, служившие в отцовской гвардии. Я объездила пол Ревана, когда была маленькой, и только когда я стала постарше, отец начал все чаще оставлять меня в Столице, а потом и сам вовсе практически перестал уезжать. Сезар продолжал мое обучение, когда сам не был на службе, а в его отъезды я тренировалась сама.

Смолотив все, я как сытая волчица сладко потянулась в постели.

– Лучше? – как бы между делом спросил граф, вызвал небольшое пламя посреди воздуха и закинув туда поднос с пустыми тарелками.

– Спасибо. – Промямлила я, вспомнив, где и с кем я нахожусь.

– На здоровье. – Ответил Шано и, обойдя кровать с другой стороны, по дороге начал расстегивать пуговицы кителя.

Поняв, что он делает, я натянула одеяло по самые уши и во все глаза уставилась на мужчину.

- Может не надо?
- Что не надо? Герцогиня, я не привык спать в одежде.
- Может, я на полу посплю?
- Лежать.
- Может у себя?
- Лежать, я сказал.
- Но граф!
- Молчать.

Сняв с себя китель, я увидела, что под ним ничего нет, только стальное тело, укрытое мышцами. На светлой коже виднелись полосы шрамов, покрывавшие весь торс.

Граф сел и снял с себя брюки, и, оставшись в одних трусах, он проскользнул под одеяло и лег. Я же напротив одеяло скинула и отползла.

Шано повернулся и плотоядно посмотрел на меня. Только моргни, тут же сожрет и не подавиться, змей.

- Под одеяло, быстро.

Подтянув самый краешек, я продолжала смотреть на валлийца во все глаза.

Спасть с ним в одной постели, под одним одеялом еще и в той рубашке, что он мне припер, мне совсем не улыбалось.

- Я хочу спать. – Сквозь зубы процедил он.

- А я чем мешаю?

- Под. Одеяло. Быстро.

Желание спорить пропало, как только я увидела красный огонек в глаза графа. И натянув на себя как можно меньше одеяла, я закрыла глаза.

- Да что за женщина такая! Упрямая ослиха! – Прорычал он и сгреб в кучу меня и одеяло, прижав его ко мне так, что я не касалась тела графа, но была полностью укрыта.

- Все. Спать. Свет!

Пульсары лопнули как мыльные пузыри, и в комнате воцарилась тьма.

Боясь лишний раз пошевелиться, я лежала и думала.

Как так получилось, что я лежу в постели с мало знакомым мне мужчиной.

Сегодня у меня должна была состояться помолвка, Сезар не должен был меня целовать, а Шано должен был спать в своей постели один. И тут я вспомнила про нападение.

Надо было этого насильника, или может не насильника, пусть будет напавшим. Так вот, надо было этого напавшего, в рожу нападающую стукнуть, да так чтоб можно было по сломанному носу определить.

А помолвка? Меньше всего я хотела замуж, и сделала бы сейчас все, только, что бы свадьба не состоялась. Хотя... Потом скандал. Не дай, Сереброцветая, война. Король бы не допустил, отдал бы за него одну из своих дочек. Девочки у него тихие, приемы не любят, мечтают о детках, хотя сами еще девочки. Миранде тринадцать зим, а Лилиан пятнадцать. Как раз для помолвки. Нет, надо было меня обязательно! Даже злость берет. Да, мне уже девятнадцать, но какое это имеет значение, если я не хочу замуж?

С этой мыслью я и уснула.

Снился мне Сезар. Он держал меня за руку, больно сжимая ладонь.

– Ты будешь моей! Тебе понравится любить меня! Обещаю!

Я старалась вырвать руку из его стальной хватки. Мне было невыносимо страшно. Я смотрела и понимала, что я совершенно не узнаю моего брата. Я не видела в нем защиту и уют, а только злость и животную похоть.

Он стал рвать на мне одежду, прижимая к себе и продолжая говорить:

– Тебе понравиться! Тебе понравиться!

И тут я закричала.

Открыв глаза, я поняла, что вся покрыта холодным потом. Я почувствовала, что страх не прошел и сердечко бешено колотится в груди. Неожиданно на мое лицо, из темноты опустилась рука, и я услышала тихий и заспанный голос:

– Я сказал, спать.

С этими словами я ощутила, как мужские руки тянут меня к себе, а я вновь не могу пошевелиться. Граф прижав меня к своей груди, до упора, обнял, и, поцеловав в макушку, прошептал:

– Ты все равно не вспомнишь.

Зарывшись в мои волосы, ровно задышал, видимо заснув.

Мне стало невыносимо тяжело держать глаза открытыми и, закрыв их, я тут же провалилась в сон. Снились мне этой ночью только теплые объятия и горящие глаза графа.

Пробуждение, я бы не сказала, что оно было не приятным. Скорее это было лучшее утро в моей жизни. Проснувшись с теплым, постучавшим в окно солнышком, я сладко потянулась в мягкой постели и улыбнулась новому дню.

Все вчерашние события казались дурным сном, и уже не производили должного впечатления. Сев, я поняла, что все еще нахожусь в спальне графа, и на прикроватном столике лежит записка.

Спустив ноги на пол, я почувствовала тепло, от нагретых солнцем досок и улыбнулась еще шире.

Так не хотелось вставать с постели, но любопытство победило, и я взяла в руки плотную бумагу, на которой красивым почерком с завитушками было послание от графа.

«Доброго утра герцогиня. Надеюсь, вы выспались. Одежда в шкафу. Никуда не уходите, дождитесь меня. Ваш, Шайэн»

И все. Я как то даже расстроилась, надеясь на более подробные инструкции. От слов «Ваш Шайэн» ускоренно заработало сердечко.

Умывшись, причесав волосы пальцами, я думала о том, как бы мне хотелось, что бы сейчас был просто день, просто жизни. Пройтись по саду, насладившись запахом цветов, посетить конюшню и провести время с Огнивом, потренироваться со шпагой, поболтать с Мотти, но ничему этому не суждено было сбыться.

Теперь любое мое движение будет под контролем графа, который будет преследовать меня, словно мошара стада коров.

Открыв шкаф, я ахнула! В нем были, как и мои вещи, видимо принесенные заведомо графом, так и вещи новые, больше походившие, на валлийские, из темных тканей и строгих покроев.

Решившись одеть все-таки свое платье, но черного цвета и сияющими искорками. Длинные рукава, от локтя расходились воланами, не позволяя разглядеть контур запястий, а длинная прямая юбка позволяла надеть и спрятать под одеждой все те же старые сапоги.

Покрутившись перед зеркалом, я решила, что выгляжу сносно, и наспех заплела толстенькую косу.

Как только я закончила, за моей спиной взревело пламя, и из него вышел граф. Выглядел он уставшим, еще более бледным, чем обычно, а в руках держал пышный букет, с нежно-розовыми пионами.

– Это вам.

Он протянул его мне, и, убедившись, что я его держу, отпустил. А я перестала дышать и просто смотрела на графа. Не зная, что делать, падать в обморок, краснеть или кричать, я стояла и мычала что-то не вразумительное.

– Спасибо вам... Мне очень приятно...

– Это от принца, он просил вам передать.

Вот и все. Я попалась как рыбка на крючок, и от досады просто отвела глаза в сторону.

– Передайте принцу мою благодарность.

– Все непременно. Вы готовы?

– К чему?

– Отправиться в свои покои.

Я кивнула, и все так же пряча глаза, сделала шаг в сторону дверей.

Граф придержал меня за локоть и прижал к себе. Рефлекторно выставив руки, я увидела, как пламя поглощает наши тела, начиная с ног, и кажется, взвизгнула.

Шано перехватил меня другой рукой и сделал еще одну попытку прижать, которая ему удалась, и, смяв между нами букет, с перепугу я поняла, что готова была сама запрыгнуть ему на шею.

Все длилось секунду. Пламя укрыло наши тела, и обволокло горящим коконом, не позволяя увидеть ничего вокруг. Подняв глаза на графа, я увидела, что он откровенно злорадствует над моим страхом, но продолжает крепко прижимать меня к себе.

Это было всего лишь мгновение, но мне показалось, что огонь танцует медленней, чем должен, и я опустила щекой к груди Шано.

Пусть думает что хочет. Что я трусиха, что слабачка, что ветрена и не умна. Пусть в его голове уже сложился мой образ, но я докажу ему обратное. Он увидит меня, заметит, поймет, что он мне не хозяин, увидит, что я сама могу за себя постоять, что я достойна свободы. Пусть таскается за мной, куда только пожелает, но это не изменит меня – Рубину Волонье!

На мгновение, мне показалось, что моих волос коснулись его губы, а руки сжали сильнее. Но только лишь на мгновение.

Когда я открыла глаза, Шано сразу же отошел в сторону и отвернулся, но я успела заметить не яркий огонь его глаз.

– Добро пожаловать домой. Вечером я вернусь и перенесу вас обратно в свои покои, будьте готовы.

– Я не буду спать в вашей спальне, граф.

Изумленное лицо стало мне ответом. Шано молнией ринулся ко мне на встречу, но я осталась стоять, где была, уверенно смотря ему в глаза.

Конечно, моя уверенность была напускной, и на самом деле у меня вспотели ладони

и коленки дрожали, но я не свернула назад и выстояла испытание взгляда.

– Вы, кажется, меня не расслышали, я убедительно вас просил вечером ожидать меня в своих покоях. – В полголоса, от которого у меня побежали мурашки, сказал он.

– А вы, кажется, не услышали мой ответ, десница. Я. Не. Буду. Ночевать. В. Вашей. Спальне. – Процеживая каждое слова, я продолжала упрямо сверлила его взглядом.

– Последний шанс согласиться, герцогиня.

– В последний раз отвечаю вам нет.

Шано молчал и продолжал сверлить меня, глазами, что наполнялись красным огнем.

– Вы вынуждаете меня.

– И что же вы сделаете мне, десница? Запрете? Украдете?

Он улыбнулся видимо своим мыслям и, сощурившись как кот, сказал:

– Хм... Мне безумно нравится ваша идея.

Лоб покрылся испариной.

А вдруг он меня и в правду украдет? Переместит куданибудь в свою Валению, не одна живая душа меня там не найдет.

– Знаете, я получу официальное разрешение у вашего отца, на то, что бы вы какое – то время провели в своих покоях, под охраной. В конце концов, на вас было совершенно покушение, и мы все, не имеем право, рисковать вашей жизнью.

– Не посмеете.

– Посмею.

– Тогда я официально сообщу отцу, что уже провела ночь в ваших покоях.

Шано лишь удивленно вскинул бровь и, наклонившись к моему лицу, сказал:

– Докажи.

– Стража видела, как я ушла с вами.

– Не доказуемо. Я стер им память.

Вот те раз. Он и так может. Ну и что теперь?

Почему то это придало мне сил, видимо голова разумно предположила, что чему быть, того не миновать, и уж если граф решит прочистить мне мозги, то его вряд ли что то остановит.

– У вас в покоях мои вещи.

– Перекину обратно.

– У меня записка от вас.

Граф моргнул и ответил:

– Все, нет больше записки, только пепел.

– Сезар!

– Убью его раньше.

Я уже почти не стояла на ногах, но заткнуться сил уже не было, и я кинула самый весомый аргумент, который знала:

– Я про ваши трусы расскажу!

Шано замолчал и уставился на меня. Видимо чего-то подобного он не ждал, и сейчас обдумывал чем ответить.

– Значит, вы их хорошо разглядели.

Я почувствовала стыд, ведь сама поняла, что я откровенно пялилась тогда.

– Да, запомнила. И только попробуйте запереть меня, я сразу сообщу отцу о ночи, проведенной с вами.

– Хорошо, герцогиня, вы меня убедили. Я не буду настаивать на том, что бы спали в моей кровати. Но, знаете, «трусы» я все-таки, на всякий случай уничтожу.

Сказав это, он исчез в пламени телепорта.

Я выиграла! Одна маленькая победа, но моя, заслуженная! Граф сдался!

Прибывая в отличном настроении, я вышла из комнаты, прямым навстречу мне бежала Матильда.

– Девочка моя, как ты себя чувствуешь?

– Отлично, как не странно, отлично.

– Милая, скорее иди к отцу, он хотел поговорить с тобой, сразу как ты проснешься. Еще одна новость, только не переживай дорогая, этой ночью Сезара избили! Он не сильно пострадал, легкое сотрясение и синяк на пол лица, но лекарь сказал, что это не страшно.

– К-кто? – Спросила я, боясь услышать ответ.

– Сезар не помнит. Сказал, только что шел по коридору и неожиданно его огрели какой-то дубинкой. Он отключился, а когда пришел в себя, было уже утро. Удивительно, как никто не обнаружил его лежащим в коридоре. Становиться очень опасно, Рубина, уже даже в замке. Я думаю, что какое-то время тебе лучше провести под охраной. Мне совершенно не хочется верить, что это подстроено, но факты остаются фактами.

Только не это! Только одного послала, теперь другая с тем же самым.

– Матильда, успокойся. Я сейчас пойду и поговорю с отцом, и мы все уладим.

Взяв мои ладошки, графиня прижимала их к сердцу и кивала, побледневшим лицом.

Значит по коридору шел. Значит дубинкой. Я разозлилась на Сезара. Он мог рассказать все, и возможно это избавило бы меня от графа, но он предпочел скрыть свой постыдный поступок, прикрывшись нападением.

– Дорогая, зайти к Сезару, я уверена, он обрадуется твоему приходу.

Конечно, обрадуется, куда же ему деваться. Я из него душу выну!

– Обязательно. Я тогда побежала к отцу.

– Да, дорогая, беги.

И расцепив наши руки, мы с графиней разошлись в разные стороны.

До кабинета отца, я дошла быстро, задумавшись на тему пыток применимых к Сезару, и сама не заметила, как вошла в комнату, забыв постучать.

Опомнилась я только тогда, когда заметила изучающий и удивленный взгляд отца, который рассматривал мое хмурое и сосредоточенное лицо. На кресле, с другой стороны стола сидел Шано.

Да грых тебя задери! Куда не глянь, он везде!

– Эммм... – Замычала я, но вовремя собралась и присев в реверансе, добавила. – Прошу прощения, господа. Я зайду позже.

– Нет, Рубина, проходи, речь как раз идет о тебе.

Голос отца был отчего-то доволен, видимо, как и ранее они уже, что-то решили, а сейчас просто поставят меня в известность.

– Садись.

Я села в свободное кресло и обратила все свое внимание на отца, стараясь на графа вообще не смотреть, хотя каждая частичка меня прямо таки стонала о том, что бы я хотя бы глазком посмотрела в его сторону.

– Ты встречалась с графиней Киртон?

Я положительно кивнула.

– Она сообщила тебе о несчастном случае, произошедшем с Сезаром?

Еще один утвердительный кивок.

Сердечко сжалось.

Хоть я и была безумно зла на него, я все же искренне переживала. Где то глубоко в душе, я не приняла мысль о том, что произошло между нами, и потаенная надежда, что это все не правда, маленькой спичкой горела внутри.

– Расследование в отношении нападения на тебя уже ведется, и пока преступник не найден, я бы хотел, что бы ты какое – то время провела под охраной.

– Отец!

– Не спорь! И дослушай. – Последнее он добавил устало.

И только тогда я заметила черные круги, и красную сеточку украшавшую его глаза. Видимо он не спал всю ночь, а разбирал всю беседку по камешкам.

– Рубина, это не шутки, ты можешь находиться в опасности. Я знаю, что ты меня возненавидишь, но я не могу позволить тебе быть без охраны. Граф Шано любезно согласился мне помочь.

Я ели сдержалась, что – бы не заорать. Зло сощуриив глаза я уставилась на графа. Он, дружелюбно улыбнулся, как не в чем не бывало и согласно кивнул.

Значит, играешь не по правилам. И, сжав кулаки, я уже готовилась сказать отцу про «доказательство», но неожиданно поняла, что, скорее всего он уничтожил их еще тогда, когда я о них сказала, и просто подыграл мне, что бы выиграть время. И сейчас ждет, пока я закачу истерику и покажу себя во всей красе – взбалмошной и истеричной врушкой.

«Убью!» – проорала я про себя, и неожиданно поняла, что мой внутренний голос интонацией очень сильно напомнил мне отца, когда он орет на меня.

Улыбнувшись этому незначительному факту, я видимо поставила собеседников в тупик, и, сияя во все тридцать два зуба, ответила:

– Папа, я премного благодарна вам за ваше беспокойство, и с радостью приму любую помощь, со стороны нашего уважаемого валлийского гостя. – Повернувшись к графу, я продолжила. – Граф Шано, я буду безгранично рада, если вы будете сопровождать меня, в это не легкое для меня время. Обещаю, быть покорной и беспрекословно слушать вас, дабы облегчить вам задачу.

Отец видимо подумал, что у него глюки, потому как, открыв рот, несколько раз подряд протер глаза. И только граф, спокойно улыбался мне в ответ, но я видела, как плещется злость в его фиолетовых глазах.

«Да сохри тебя цифара!» – добавила я про себя, но вслух сказала лишь:

– Сейчас мне пора идти и навестить моего брата. Как вы уже наверняка слышали, с ним приключилась беда, и я хочу узнать как его самочувствие. Я могу идти? – Спросила я, обращаясь к отцу.

Тот только кивнул, и с недоверием продолжал смотреть на меня.

О, Шано, я тоже умею нарушать правила. Давай, расскажи отцу, как ты отдубасил Сезара у меня на глазах, или придумывай другое объяснение, почему я не могу пойти к нему.

Я слышала, как скрипнули зубы графа, но вместо рассказа о вчерашнем происшествии, он встал и, поклонившись моему отцу, сказал:

– Я провожу вас, госпожа. Я зайду к вам позже, герцог.

Папа, молча, продолжил сидеть, ответив лишь одобрительным кивком, и взглядом проводил нас за дверь.

Как только за нами оказалась закрытая дверь, я ускорила шаг и, не обращая внимания, на всяких там графов ринулась вперед.

Пламя вспыхнула внезапно. Сильные мужские руки сжали меня за плечи.

Открыв в глаза, я поняла, что мы вновь находимся в покоях графа. Он смотрел на меня сурово и тяжело выдыхал через нос, от чего ноздри широко раскрывались.

Сложив руки на груди, я вызывающе встала и вопросительно выгнула бровь.

– Граф, вы, кажется, немного изменили наш маршрут. Мы должны были посетить этаж лекарей и проведать моего брата.

Шано вновь скрипнул зубами и сказал:

– И почему же вы такая упрямая.

– Потому, что вы лживый мерзавец.

– Я лживый?! Это я мерзавец!? – заорал граф.

– Вы! Кто же еще! Я думала, мы решили вопрос с вашим постоянным контролем! А вы бесчестно соврали мне и все-таки втянули отца в это дело.

– Никого я не втягивал!

– Тогда объясни мне Шайэн, какого греха он приставил тебя ко мне?!

И, только сказав это вслух, я поняла, что употребила ругательство в одном предложении с его именем. Но, не смотря на это, граф вдруг рассмеялся, чем удивил меня.

– Герцогиня, вы меня удивляете. Ругательства из вашего прекрасного ротика звучат уморительно. А теперь сядьте, и послушайте меня.

– Нет. – Ответила я, понимая, что чувствую себя неловко.

– Вы опять за свое?

Ответом ему последовал мой уверенный шаг в сторону двери. Но уйти мне не дали, и схватив меня за талию, мужчина поднял меня в воздух и бросил на кровать.

Уперев руки в бока, он вызывающе, но с улыбкой смотрел на меня, сверху вниз.

Какой же все-таки красивый. Гад.

Высокие скулы, упрямый лоб, ровный, словно нарисованный нос. Хищный разрез глаз, и тонкие, но невероятно притягательные губы.

Да что со мной? Почему я себя так вижу?

Совершив попытку встать, я вновь была перехвачена графом и таким же броском отправлена обратно.

Я встала на кровати, прихватив с собой пару маленьких декоративных подушечек. И, прицеливалась, наблюдая, как хищно граф обходит постель.

– Ну, давайте, герцогиня. Нападайте.

Бросок. И подушка натывается на удлинившиеся в секунду когти графа. Я увидела их только мельком, но и этого мне хватило, что бы понять, что эти длинные черные лезвия, не самые лучшие кандидаты для времяпрепровождения. Разорвав ее, граф наполнил воздух вокруг, перьями и пока он отвлекся, я запустила второй снаряд. И вторая подушка разлетелась в клочья, ударом другой когтистой руки.

Неожиданно, сквозь пелену всех этих летящих перьев, граф кинулся вперед и, схватив меня за лодыжки, больно дернул. Пока я падала, Шано прыгнул вперед, словно дикий волк на добычу, и, остановившись на расстоянии ладони от моего лица, коснулся виска рукой. И мое тело опять отказало.

Мужчина склонился надо мной и, глядя мне в глаза, почему то улыбался. Не в силах пошевелиться, я лишь как могла, хмурила брови, стараясь показать графу свое неодобрение.

– Вы такая смешная герцогиня. Я сейчас свяжу вас и оставлю тут до тех пор, пока не придет время возвращаться в Валению. Меня безмерно забавляет то, как вы реагируете на меня, но у меня нет времени, ждать пока вы, наконец, сдадитесь. Я должен обеспечить вам защиту, и мне кажется, что здесь в моей постели, вы в безопасности. Могу гарантировать вам, ни сейчас, ни потом Сезара вы не уведите, я не позволю. И в качестве наказания, и прошу, заметить, за не заслуженные обвинения и оскорбления, сегодняшнее солнце, вы проведете здесь. Я перенесу вам все, что посчитаю нужным, чтоб вы могли с комфортом провести время.

С этими словами он склонился и поцеловал меня в лоб. Коротко, по отечески.

Встав, он отряхнул с формы перья и исчез в реве пламени.

И он всегда будет теперь так делать? Чуть слово против, сразу в оцепенение? Мне это решительно не нравилось, но в моей безвыходном положении, мне ничего не оставалось, как лежать и ждать.

Я уже успела заскучать, и даже возможно немного подремала, когда услышала голос графа над головой.

– Вот, я принес вам одежду, средства личной гигиены, книги и вязание. Вам еще,

что-то нужно?

– От вас, ничего. – Таким же хриплым голосом, как и в прошлый раз, произнесла я.

– Вот и замечательно. Покои в полном вашем распоряжении, защиту я поставил такую, что взломать, ни дано, ни кому, выйти не пытайтесь, дверь я тоже немного улучшил, развлекайтесь. Если что-то понадобится, только позовите меня. Хорошего солнца вам, госпожа.

Сказав это, он исчез. Полежав так, какое-то время, я сказала:

– Шано.

– Шайэн, милая. – Раздалось над моей головой, через пару секунд. – Что вы хотели?

– Сказать вам, что я вас ненавижу. – Не открывая глаз, сказала я, ощущая себя абсолютно беспомощной.

Ответом мне был очередной поцелуй в лоб и тихий голос над ухом:

– Лжешь.

Когда я решилась открыть глаза, графа в комнате уже не было. Мысль о том, что мне придется провести все солнце в замкнутом пространстве, еще и в одиночестве сводила меня с ума. Это все конечно безопасно, но безумно скучно.

Единственный выход, найти, чем себя занять. Первое что пришло мне в голову, это собрать все перья.

Потратив на это битый час, я немного успокоилась, и решила, что раз уж сидеть взаперти, то сидеть с комфортом.

– Шано.

– Да, моя госпожа. – Я уже начинала привыкать к его быстрому появлению.

– Вы не могли бы выкинуть эти перья и наволочки от подушек?

– Зачем?

– Я делаю уборку.

С лицом «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало» граф провел рукой над кучей, которую я собрала и она исчезла в языках пламени.

– Что-то еще?

– Да, можно мне мольберт и краски?

– Конечно.

Через минуту они уже ждали меня у окна, а граф вновь переместился не ведомо куда.

Рисовала я откровенно плохо, и через два часа усиленной и кропотливой работы, я нарисовала графа.

Конечно, на графа рисунок был мало похож, скорее это была кривая летучая мышь, я выпирающими клыками и носом-пяточком. Но пририсовав портрету темные волосы, я решила, что это уже куда более правдоподобно, и, подписав «Граф Шано», довольная собой, пошла, мыть кисти.

– Шано. – Позвала я вновь.

– Да?

– Я хотела бы кое-что вам подарить. – С самой честной улыбкой я представила его вниманию свой «шедевр».

Нервно икнув, он перевел взгляд на меня и ответил:

– Премного благодарен, это честь для меня. Это все что вы хотели?

Я кивнула, улыбаясь как ребенок, и Шайэн вновь пропал в не обжигающем огне.

Пока рисунок сох, я вязала, с каждой петелькой вплетая «Ненавижу графов», еще через еще пару часов у меня была готова маленькая рукавичка, с, неизвестно по какой причине, пальчиком больше, чем вся остальная варежка.

– Шано.

– Я слушаю. – С уже ели сдерживаемым раздражением, спросил граф, смотря на меня чуть красноватыми глазами.

– Я вот еще что для вас сделала. – Сказала я, все с той же улыбкой и протянуло свое очередное творение.

Разглядывая мой подарок, граф тихо спросил:

– А что это?

– Это рукавичка.

– Для кого?

– Для вас конечно!

– А как мне ее носить?

– Ну не знаю... – Замялась я, впервые задумавшись об использовании в жизни этого предмета. – Мелочь в нее кладите, что ли.

– Мелочь? – Казалось, граф не расслышал.

– Ага, монетки там всякие.

– Монетки значит... – С этими словами Шано пропал в пламени, даже не спросив,

нужно ли мне что-то еще.

Я даже немного обиделась.

Расположившись на кровати и укрывшись мягким одеялом, я поудобнее устроилась в ней, с книжкой. В книге рассказывалось о, истории двух влюбленных, которым было не суждено быть вместе. В самый душещипательный момент, я, смахивая застилающие глаза слезы, позвала Шано:

– Десница!

Увидев меня, граф быстро сел на кровать и взяв меня за руку, с волнением, спросил:

– Что случилось, герцогиня?

– Это... Это так... – Мямлила я, утирая дорожки слез.

– Что?

– Это так романтично! – я всхлипнула.

Граф молчал и смотрел на меня.

Свободной рукой я протянула ему книгу.

– Вы не выносимы. – Сказал он и снова пропал в пламени.

Поняв, что моего порыва не оценили, я расстроено вздохнула и почувствовала, что голодна.

– Шано-о!

– Да что опять?! – Сжимая кулаки, сказал граф, очутившись в центре комнаты.

– Я голодна.

– Что желаете? – Злобно оскалившись, издевательски развел рукой.

– Чтонибудь.

В очередной раз Шайэн пропал и вернулся через пару минут, с подносом в руках. Спешно опустив его на столик, он сказал:

– Приятного аппетита.

И растворился в бушующем пламени.

Пообедав, я растянулась в мягчайшей постели, и поняла, что меня разморило. Глаза устало закрывались, слабость растекалась по телу и я провалилась в сон.

Не знаю, сколько я спала, но проснувшись, я поняла, что рядом со мной лежит граф, на покрывале, в одежде и смотрит в одну точку.

– Граф. – Поприветствовала его я, разглядывая одним глазом.

Молчание.

– Шано. – Я села и позвала еще раз.

Вновь молчание.

– Десница! – Позвала я, наклонившись над его лицом.

Казалось, он смотрел, куда-то сквозь меня, не моргая. Зрачки его не шевелились. Ни один мускул не дрогнул, даже когда поводила перед ним рукой.

– Шайэн! – Отчаянно крикнула я прямо в его лицо.

– Тихо. Я смотрю. – Каким-то загробным голос, наконец, ответил граф.

Нахмурившись, я еще какое-то время смотрела на его, не отрывающийся от пустоты взгляд и неожиданно, даже для самой себя, положила руки ему на грудь.

То, что произошло дальше, я объяснить не могла. Мое тело, обдало горячей вспышкой, и я почувствовала, что отрываюсь от него. Как будто тысячи маленьких веревок, скрепляющих мое тело и душу, начали рваться. Когда все закончилось, меня затащило в черную воронку, и выбросило где то под потолком на этаже лекарей.

Внизу, на кровати лежал Сезар, с бледным лицом, который украшал фиолетово-синий синяк, а щеки казалось, немного впали. Он стонал и сворачивался, прижимая колени к груди.

– Нет! Нет! – Стонал он. – Прошу! Только ни это!

Не понимая, что происходит, я крикнула его имя и протянула руку, плавно осознав, что у меня нет голоса, да и руки тоже нет. Меня вообще не было.

Тут я увидела, черные липкие нити, покрывающие больничную постель Сезара. Они пульсировали, словно длинные тонкие пиявки, пьющие кровь, отвратительно извиваясь.

Я дергалась, стараясь опуститься ниже, чтоб постараться ухватить хотя бы чтонибудь, но воздух упрямо держал меня на месте.

Все кончилось так же резко, как и началось. Меня как будто втянуло обратно в мое тело, и, открыв глаза, я поняла, что задыхаюсь. Я нервно втягивала воздух, хлопая губами, словно рыба на суше, но легкие как будто не раскрывались, не давая возможности вдохнуть. Я била руками постель, когда, сквозь слезы увидела над собой лицо графа.

– Дура! – Крикнул он, шумно вдохнув, опустился к моим губам.

Зажав мне нос пальцами, Шано прижался своим ртом ко мне и выдохнул в меня.

Выпучив глаза, я, мыча, и продолжала судорожно пытаться вдохнуть.

Граф поднялся, сделал еще один глубокий вдох и повторил экзекуцию.

Только после третьего раза, я, наконец, почувствовала, что дыхание начинает налаживаться и старалась набрать как можно больше воздуха в легкие.

Граф повторил свои действия еще раз, и, наполнив мои легкие воздухом, немного задержался в конце. Плавно оторвавшись от моих губ, он едва поднялся над моим лицом, оставляя дистанцию в один палец между нами, и усталым голосом, сказал:

– Дура.

Я молчала.

Ощущения переполняли меня. Мне казалось, что страх пронзал все мое тело, парализую, оставляя наедине с бессилием и бесконечной паникой.

Граф откинулся на спину и упал, рядом со мной, тяжело дыша.

– Что это было? – Сдавленно прошептала я.

– Ты отделилась.

– Куда?

– Так не должно было быть. Этого не может быть. – Повторял граф, игнорируя мой вопрос.

Повернув голову к окну, я поняла, что солнце уже село, а луна в гордом одиночестве освещает небо.

Сколько я спала? Сколько я провисела под тем потолком?

– Как ты себя чувствуешь? – Обратился ко мне на «ты» Шано, в который раз отступив от этикета.

– Я не знаю. Странно.

Он встал с постели и направился за ширму.

Я услышала шум воды.

Через пару минут он вернулся, и, подняв на него глаза, я увидела, что он снял свою форму, оставшись в одних брюках.

Сев возле меня, он взял мою юбку и начал тянуть вверх.

– Что ты делаешь?! – Едва слышно возмутилась я.

Он не ответил, упрямо стягивая мой наряд.

Тело не слушалось, и я как безвольная масса, не сопротивлялась и лишь возмущенно сопела.

Оставив меня в одном нижнем белье, граф нахмурился и, задумавшись о чем то, и,

видимо сам себе, махнул рукой.

Взяв на руки, он понес меня в сторону ванной, а я закрыла глаза, в поисках сил, на что либо.

Погружение в теплую воду, было приятным и каким-то лечебным. По коже пробежались теплые струйки, белье впитало воду и потяжелело.

Открыв глаза, я убедилась, что лежу в ванной, а граф сидит на полу, придерживая рукой мой живот.

– Сейчас будет неприятно.

С этими словами он перенес руку к моему виску и снова заблокировал мои движения. Перенеся ее на мой лоб, он резким движением надавил и опустил мое лицо под воду.

Задыхаться второй раз за солнце мне определенно не понравилось, но с учетом того, что я не могла пошевелиться, тратить почти покинувшие меня силы на моргание мне не захотелось. И закрыв глаза, я смирилась с судьбой утопленницы.

Последний пузырь воздуха всплыл на поверхность, оставив в моей груди только сдавленное тепло, которое постепенно перерастало в жжение. Невыносимая боль пришла вместе с осознанием темноты, в которую я проваливалась.

Потом все кончилось. Последней мой мыслью было «Я умерла».

– Ну, давай, давай.

Слышала я знакомый упрямый голос над головой.

– Давай, девочка, дыши.

После этих слов, я почувствовала не преодолимое желание рвоты, и хорошо, что я висела вниз головой, так как меня тут же вырвало.

Не открывая глаз, я старалась понять, что я чувствую.

Я висела вниз лицом, в живот, что-то упиралось, заставляя согнуться пополам, колени соприкасались с холодным полом.

Страх упасть головой вниз, вынудил выставить руки вперед и почувствовав упор, я вытянулась.

Чьи-то руки подхватили меня за торс и перевернули лицом вверх.

Тяжело вздохнув, я открыла глаза и увидела Шайэна.

Он улыбался, бережно прижимая меня к своей обнаженной груди.

– Ты смерти моей хочешь? – прошептала я.

Он ничего не ответил, а только нежно провел ладонью по моей щеке, убирая мокрые пряди с моего лица.

Такая перемена настроения меня пугала. Чувство вины, что он меня чуть не утопил? Самый правдоподобный вариант.

– Ты меня чуть не убил! – возмущенно прошипела я.

– Но не убил же. – Все с той же пугающе нежной улыбкой ответил граф и встал на ноги, вместе со мной на руках.

– Я требую объяснений, граф Шано. Немедленно. – Голос мой звучал жалко, ели слышно, но звучал же!

– Я все тебе расскажу, только сначала ты должна отдохнуть.

– Не хочу я отдыхать! Наотдыхалась уже! Дважды чуть не умерла.

– Не в первый раз, не во второй на грани смерти ты не была.

Подхватив на руки он легко донес меня до постели и опустив, сел рядом.

Холодное мокрое белье мерзко касалось тела, вызывая противный холодок по коже.

Шано опустил руки на мои ребра и медленно повел их вниз. Я хотела было выкрикнуть, что нибудь возмущенное, но поняла, что чем ниже он опускается, тем сильнее нагревается белье, согревая тело и высушивая влагу.

Когда его руки были на моих бедрах, я неожиданно заволновалась и заерзала. От взгляда графа это не ускользнуло, и лишней раз погладив пальцами мой голый живот он накрыл меня одеялом, закутав под самый подбородок.

Я почувствовала себя бабочкой, которая еще не вылупилась из кокона.

Конец ознакомительного фрагмента.